



В.С. КОБЗОВ
УРАЛЬСКАЯ
ВАРНА

ЧЕЛЯБИНСК 1992

Кобзов В.С.

Уральская Варна: к 150-летию основания казачьей станицы.
Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1992. 126 с.

В книге кандидата исторических наук старшего преподавателя кафедры истории советского общества Челябинского государственного университета В.С. Кобзова раскрывается история станицы Варненской, одной из многих станиц Оренбургского казачьего войска. Она построена на подлинных документах и дополнена воспоминаниями участников революции, гражданской и Великой Отечественной войн. В книге по-новому трактуются многие, ставшие за последние 70 лет однозначными события истории нашей страны, в научный оборот вводится значительное число ранее не использованных документов и материалов. Книга рассчитана на студентов, учащихся школ, учителей, всех, кто интересуется историей родного края.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского государственного университета

Научный редактор — д-р ист. наук, проф. А.П. Абрамовский
Рецензент Н.В. Булычевский

Настоящей книгой Челябинский государственный университет открывает серию изданий, посвященных истории городов и сел Челябинской области.

Предполагается подготовка истории большинства населенных пунктов одного из наиболее важных экономических регионов России — Челябинской области.

Программа «Антология городов и сел Челябинской области» осуществляется силами научных работников Челябинского государственного университета, исследователями других вузов области и историками-краеведами, объединенными в ассоциацию историков Челябинской области.

Кобзов В.С.

Уральская Варна: к 150-летию основания казачьей станицы.
Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1992. 126 с.

В книге кандидата исторических наук старшего преподавателя кафедры истории советского общества Челябинского государственного университета В.С. Кобзова раскрывается история станицы Варненской, одной из многих станиц Оренбургского казачьего войска. Она построена на подлинных документах и дополнена воспоминаниями участников революции, гражданской и Великой Отечественной войн. В книге по-новому трактуются многие, ставшие за последние 70 лет однозначными события истории нашей страны, в научный оборот вводится значительное число ранее не использованных документов и материалов. Книга рассчитана на студентов, учащихся школ, учителей, всех, кто интересуется историей родного края.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского государственного университета

Научный редактор — д-р ист. наук, проф. А.П. Абрамовский
Рецензент Н.В. Булычевский

ISBN 5-230-17767-5

© Челябинский государственный университет, 1992

Настоящей книгой Челябинский государственный университет открывает серию изданий, посвященных истории городов и сел Челябинской области.

Предполагается подготовка истории большинства населенных пунктов одного из наиболее важных экономических регионов России — Челябинской области.

Программа «Антология городов и сел Челябинской области» осуществляется силами научных работников Челябинского государственного университета, исследователями других вузов области и историками-краеведами, объединенными в ассоциацию историков Челябинской области.

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Летом следующего, 1993 года, казачья станица Варна отмечает полуторавековой юбилей. 150 лет назад первые переселенцы, казаки Оренбургского казачьего и крещеные калмыки Ставропольского иррегулярного войск прибыли на отведенное им место в девственной необжитой степи, где прежде только ранней весной и поздней осенью изредка останавливались башкирские и казахские рода со своим скотом. С этого времени и начинается история уральской Варны, названной так в память о героизме, проявленном оренбургскими казаками при взятии в 1828 году одноименной турецко'й крепости.

С самого начала существования казачьего отряда в нем поселились представители нескольких национальностей — русские, татары, калмыки, мордва, украинцы. Объединенные в единое войсковое сословие, они на протяжении 74 лет жили бок о бок, не зная ни национальной, ни иной другой вражды. Единственно, где не на шутку разгорелось соперничество и борьба — это на поселковой площади во время войсковых праздников и состязаний. Варненцы совместно поднимали вековую целину, убирали урожай и обживали богатую степь. Так же сплоченно уходили они на военную службу, в дальние походы, на многочисленные войны. И за все время существования станицы варненцы не знали ни одного случая нарушения неписаного казачьего кодекса — среди них не было ни дезертиров в военное лихолетье, ни трусов на поле боя.

Не все складывалось легко на пройденном пути — знала станица и светлые дни и горечь потерь, нелегко приходилось ее жителям в частые засухи, обременительной была и казачья служба. Но мало-помалу крепили хозяйства переселенцев, со временем обзаводились они скотом и инвентарем, строили мельницы, открывали домашние промыслы, бережно относясь к кормилице-земле.

Новый, XX век стал временем тяжелых испытаний — две изнурительные войны и последовавшие за ними революции не прошли бесследно для станицы. Не знаящие прежде политических распрей казаки станицы оказались по разные стороны баррикад и потекла казачья кровь по безбрежным просторам седого Урала.

В последующие 76 лет также случалось всякое. Но расказачивание и насильственное вытравливание из народной памяти прошлого принесло трагические результаты. Сегодня Варна, как и многие города и села Отечества, больна многими социальными недугами. В прошлом есть немало, чему бы и нам не грех поучиться, в частности, отношению к старшим поколениям, к своей Родине и окружающей природе. Очень важно, чтобы связь времен не прервалась, именно в этом залог преодоления сегодняшних трудностей. Ведь у народа без прошлого не может быть и будущего.

Проблема возрождения духа и традиций казачества сегодня приобретает особую актуальность. Работа по исторической и культурной реабилитации российского казачества уже начата специальной комиссией при Верховном Совете Российской Федерации. Но нельзя ждать, когда ее проведут «сверху», работу необходимо начинать на местах, постепенно возрождая все лучшее, что было свойственно войсковому сословию.

Предлагаемая Вашему вниманию книга — не более чем попытка осмыслить на основе документального материала историческое прошлое села. Незнученность многих вопросов, исчезновение документов станичного правления, пропавших, как полагают, в годы гражданской войны, — все это существенно затруднило работу над рукописью, выносимой на Ваш суд. Думается, что затронутые в ней вопросы не оставят Вас равнодушными, и работа по воссозданию истории села продолжится.

Если человек говорит: «Я знаю историю» — это значит, что он знает и современность. Если человек говорит: «Я знаю только современность» — это значит, что он не знает ни истории, ни современности.

Из ничего ничто не рождается.

Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас.

Воин русский на поле Куликовом — это воин, при Кунерсдорфе.

Воин при Кунерсдорфе — это воин на поле Бородинском.

Воин на поле Бородинском — это воин на Шипке.

Воин на Шипке — это защитник Брестской крепости.

Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна — это мать Россия; и во все времена кровь, пролитая во имя одного — во имя Отечества.

Валентин Пикуль

1. ОТРЯД ВАРНЫ ОСНОВАН...

В течение первой половины XIX века взаимоотношения кочевников Киргиз-Кайсацкой степи и населения крепостей и станиц Оренбургской пограничной линии отличались крайней противоречивостью и нестабильностью. Отряды лихих наездников-джигитов, не подчинявшихся султанам - правителям Младшего жуза (кстати, входившего в состав Российской империи — В.К.), часто совершали нападения на жителей пограничной полосы, захватывая их в плен с целью дальнейшей продажи на невольничьих рынках в Хиве и Коканде, угоняли скот, вытаптывали и выжигали посевы и нередко вступали в бои с гарнизонами степных укреплений, располагавшимися по реке Уралу. Прорвав узкую цепочку пограничных укреплений, отряды кочевников вторгались на территорию кочевков башкирских родов, грабили мирное население, захватывали скот и имущество. Посылавшиеся для преследования «воров» башкирские отряды достигали их в пределах пограничной линии и, сшибаясь в ожесточенных схватках, конные массы преследователей и степняков уничтожали все, что попадало им на пути, нанося большой материальный ущерб прилинейному населению.

С другой стороны, отношения между линейными казаками и большинством кочевавших вблизи границы казахских родов

складывались вполне миролюбивые. Нередко казачьи отряды, охранявшие линейное пространство между крепостями и укреплениями, вступали в бои с отрядами степняков, нападавших на кибитки и улусы кыпчаков и табынцев, мирно кочевавших в районах, примыкавших к Оренбургской пограничной линии, защищая их от разбоя, или, как тогда говорили — «баранты». Казакам, располагавшимся в крепостях и укреплениях оренбургской линии, строжайше запрещалось без особой на то надобности пересекать пограничную черту и вторгаться в районы кочевков родов Младшего жуза, тем более пасти там скот либо заготавливать корма для лошадей кордонной стражи. В свою очередь и старшины родов удерживали сородичей от проявления агрессивности по отношению к русскоязычному населению, стремясь сохранить сложившиеся добрососедские отношения. Однако несмотря на их усилия, мирные периоды через определенное время сменялись кровопролитными столкновениями на границе, тем более, что феодальная знать Хивы, Бухары и Коканда периодически подталкивала кочевников к открытым выступлениям против России.

Систематические набеги, осуществлявшиеся кочевниками, вынудили Российское правительство принять решительные шаги по усилению обороноспособности юго-восточных рубежей империи. Назначенный в апреле 1830 года военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса граф П.П. Сухтелен внес на рассмотрение высших правительственных кругов проект реорганизации системы охраны Оренбургской пограничной линии и предложил во избежание прорывов кочевников в Башкирию, усилить наиболее слабый ее участок на линии Орск—Верхнеуральск—Троицк, проведя границу напрямую от Орской до Троицкой крепости. Помимо очевидных выгод от сокращения количества войск, задействованных для обороны этого участка, в пользу предложенного генералом Сухтеленом плана говорили и экономические выгоды — Оренбургское казачье войско получало дополнительно обширный район степи, пригодный для земледелия и богатый лесами. Кочевые же рода Младшего жуза постоянно не использовали этот район, появляясь здесь только весной и глубокой осенью, перегоняя под защиту крепостных гарнизонов свой скот и размещая кибитки и юрты. Все остальное время степь оставалась безлюдной. Об этом писал и известный путешественник XVIII века академик П.С. Паллас, посетивший в 1768 году и впервые описавший широко известный ныне архитектурный памятник XIV—XV веков — мавзолеем Кесене. «Переправившись через реку Улу-Тогузак, — писал Паллас, — ехали мы еще часа полтора к югу по совершенно безлюдной и незаселенной

степи и увидели наконец на открытой возвышенности тот дом, коего ради я ехал сюда. Вблизи соленое озеро и потому Кошенакуль именуется. В окрестности на многие версты нет никакого жилища, кроме казачьих крепостей».

Предложенный оренбургским губернатором проект в целом получил одобрение Военного министра и Азиатского комитета министерства иностранных дел, но претворить его в жизнь генералу Сухтелену не пришлось — в марте 1833 года он внезапно скончался в самом расцвете творческих сил и замыслов. Проводил в жизнь программу Сухтелена другой генерал — Василий Алексеевич Перовский, назначенный летом на пост Оренбургского военного губернатора или, как тогда говорили, — главным начальником края.

Прибыв в Оренбург и покончив с формальностями вступления в должность, В.А. Перовский сразу же включился в работу по составлению детального плана реорганизации пограничной линии. В течение 1833—1834 годов все необходимые приготовления были завершены и в следующем 1835 году началось практическое осуществление утвержденного императором Николаем I проекта. С этой целью весной 1835 года из Орской и Троицкой крепостей в степь выступило два специальных строительных и один съемочный геодезический отряд, а по районам кочевков казахских родов проехали военный губернатор и председатель пограничной комиссии генерал-майор Г.Ф. Гене. Лично разъяснив старшинам и аксакалам причины переноса линии укреплений и не встретив с их стороны ни малейших возражений и противодействия, Перовский и Гене вернулись в Оренбург, а на четырехсотверстном участке степи разгорелись строительные работы.

В течение 1835—1836 годов усилиями строительных отрядов и специальных рабочих команд из состава Башкиро-Мещеряковского войска между Орской и Троицкой крепостями было возведено 5 укреплений полевого типа — Императорское, Наследниковское, Константиновское, Николаевское и Михайловское. Между укреплениями по линии новой границы закладывались редуты и временные пикеты для несения сторожевой службы, а во внутренней пятнадцативерстной полосе — несколько десятков линейных станиц и отрядов. В 1837 году были основаны входящие ныне в Варненский район Владимировская, Александровская, Алексеевская и упраздненная в 1850 году Софийская станицы. Для заселения укреплений и станиц Новой пограничной линии (так она стала официально называться с 1835 года — В.К.) из крепостей старой — Таналыцкой, Магнитной, Верхнеуральской и Степной, были переведены нижние чины четырех Оренбургских линейных батальонов, положившие начало населению

казачьих станиц. Всего к 1 января 1838 года в прилинейных поселениях было построено 24 казармы, 5 лазаретов, 874 жилых строения и 266 домов и землянок находилось в стадии строительства.³

Солдаты линейных батальонов были обращены в казачье сословие вместе с семьями и домочадцами, а в течение последующих пяти лет в новые поселения было переведено еще несколько сот семей казаков из упраздняемых внутренних станиц Оренбургского войска. Поселенные в степных укреплениях и линейных станицах казаки стали одновременно и защитниками Новой пограничной линии, совмещая хозяйственную деятельность с несением караульной и сторожевой службы в кордонах и пикетах.

Завершив работы по переносу линии укреплений в степь, администрация края приступила к осуществлению второго этапа проекта — заселению внутреннего пространства, образовавшегося между старой и новой крепостными линиями. С целью определения мест под внутрилинейные казачьи поселения по приказу Наказного Атамана Оренбургского казачьего войска из Орской и Троицкой крепостей вышло три специальных съемочных геодезических отряда. Они должны были выбрать 32 удобных для возведения станиц места с таким расчетом, чтобы качество и количество земельных угодий позволило бы в полном объеме обеспечить предназначенных к переселению казаков землей из расчета по 30 десятин на каждую мужскую душу и в дополнение иметь еще солидный запас под общественное пользование: луга, пастбища и резервный фонд. В инструкции военного губернатора, данной начальникам отрядов войсковым старшинам Ковалевскому, Авдееву и Лябзину, особо подчеркивалось, что для устройства казачьих поселений необходимо выбирать хорошо защищенные от ветра и зимних снежных заносов участки, тщательно проверяя запасы и качество воды, ее пригодность к употреблению и возможность устройства колодцев. При этом казачьи станицы не должны были находиться на удалении более 30 верст один от другого, иметь удобное между собой сообщение и возвышенные места для устройства маяков — сигнальных и сторожевых вышек, посредством которых осуществляли контроль за прилегающей к поселению местностью и связь между находившимися в пикетах и станице казаками. Строительство жилых и общественных помещений, разбивку усадеб и улиц разрешалось начинать только после составления специальных планов и утверждения их военным губернатором.

В течение весны и лета 1841 года отрядом войскового старшины Ковалевского было определено 13 мест под новые поселения, отрядом Авдеева — 9 и 10 участков в направлении от

крепости Петропавловской к Кирилловской станице — войсковым старшиной Лябзиным. Первоначально все эти участки получили названия по номерам — от 1 до 32 включительно. И хотя вскоре казачьим поселениям Новолинейного района Высочайшим указом были присвоены названия в память одержанных российскими войсками побед в войнах XVIII—XIX веков, местное казачье население еще долго употребляло в повседневном обиходе прежние, «номерные» названия.

Ранней весной 1843 года в поселок, обозначенный в документах за № 30, прибыл первый отряд переселенцев. Отправляясь на новое место, они везли с собой все необходимое для бытового обустройства — начиная от инструмента и домашнего скарба и кончая приобретенным еще в прежних местах жительства скобяным товаром — гвоздями, навесами, щеколдами и прочими крайне необходимыми в быту мелочами. Отдельными партиями под охраной казачьих отрядов перегонялся крупнорогатый скот, овцы, козы и, самое главное, рабочие волы. Первой партии переселенцев, направленной в новое место, помимо завершения строительства общественных зданий — поселкового правления, хлебного магазина⁴ и кордегардии, была поставлена задача заготовить на зиму корма для всех хозяйств, поднять для общественной запашки целину под яровые и озимые, начать строительство жилых и хозяйственных строений для своих семей. Поэтому в нее от каждого предназначенного к переселению семейства выделялось по 2-3 человека с необходимым запасом продовольствия и инвентарем. Строительные и полевые работы по указанию военных властей края проводились переселенцами только под охраной вооруженных казаков. Каждая партия делилась на две группы — одна косила сено или выполняла какие-либо работы, а другая находилась рядом, имея с собой оружие и готовая в любую минуту отразить внезапное нападение кочевников. Попеременно меняясь, они должны были до наступления холодов заготовить и перевести в поселок сено, засеять не менее 20—30 десятин хлеба для засыпки его в общественные магазины и заложить по проекту дома для прибывающих.

По составленному военными властями плану в поселок № 30, получивший позднее название Варна, предполагалось заселить 246 белопахотных солдат с семьями из военных поселений Бугульминского уезда, но в начале 1842 года к ним было добавлено еще 68 мужских душ из упраздненного Ставропольского калмыцкого иррегулярного войска.

Как видно из документов, в июне 1843 года в поселке № 30 находились 65 человек отставных солдат и казаков из внутренних станиц, располагавшихся в Бугульминском уезде во главе с зауряд-хорунжим Иваном Федоровым. В течение лета 1843 года

переселенцы построили несколько десятков жилых домов, главным образом, землянок, помещения для учреждений управления и общественного пользования, в том числе в половине кордегардии предполагалось устроить поселковую школу. Лес для переселенцев, необходимый для устройства жилья, был выделен из войскового Джабык-Карагайского бора из расчета по 50—70 корней на каждую семью. Землянки выкладывались из самана и дернового пласта, производство которых было налажено на месте. В августе зауряд-хорунжий Федоров докладывал штаб-офицеру Первого военного округа Оренбургского казачьего войска полковнику Тимлеру: «Отряд Варна основан близ речек Кисене и Улькунь-Тогузак на урочище Каш-Карабай, от поселка № 28 в четырнадцати, а от станицы Алексеевской в двадцати восьми верстах... из положенных к возведению поставлено 20 домов и 10 землянок. В окрестностях найдена пригодная к выделке кирпичика глина и можно выжигать известь...».

Вместе с тем, уже осенью 1843 года стало ясно, что место, выбранное войсковым старшиной Лябзиным под новое поселение, не совсем удачно. Поселок, размещавшийся у слияния двух степных речек Кисене и Улькунь-Тогузак (ныне Нижний и Средний Тогузак), как ни странно, стал испытывать недостаток в питьевой воде. Степные речки в суровые зимы постоянно промерзали чуть ли не до дна, циркуляция воды прекращалась, начиналось разложение водорослей и микроорганизмов и она «задыхалась» — становилась непригодной не только для употребления людьми, но и для скота. Летом речки пересыхали и зацветали и употребление речной воды для приготовления пищи приводило к тяжелым желудочным болезням. Попытки устройства колодцев также не дали ожидаемого результата — глубина залегания водоносных слоев оказалась на удивление значительной, а вкус ее оставлял желать лучшего. Помимо повышенной солености, вода из колодцев была мутной, с большим содержанием взвеси темного цвета.

Тем не менее, заселение поселка продолжалось. Первыми прибыли калмыки бывшего Ставропольского войска в числе 29 семей (67 душ мужского и 73 женского пола), вслед за ними, 17 августа из Бугульминского уезда подошел обоз во главе с унтер-офицером Карымовым в сопровождении 20-ти оренбургских казаков и 30-ти башкир. Через две недели прибыла основная масса переселенцев с имуществом и скотом. К началу ноября в поселке, получившем название Варна, уже числилось более 600 душ обоого пола, включая малолетних детей.

В течение 1843—1845 годов поселения Новолинейного района Оренбургского казачьего войска были распределены по станич-

ным юртам и полковым округам. Варна и прилегавшие к ней поселки Первого военного округа вошли в состав Великопетровского станичного юрта, Бородиновский — в Березиновскую станицу, Лейпцигский — в Михайловскую, Кулевчинский и Владимировский — в Николаевский станичный юрт. Главным поселением юрта — станицей был объявлен поселок Великопетровский, также основанный в 1843 году. Варненский, Аннинский, Варшавский, Полтавский и другие получили статус отрядов со своими органами управления. Во главе каждой станицы и отряда ставился начальник из офицеров или урядников, назначавшийся особым приказом Наказного Атамана Оренбургского казачьего войска по представлению командира полевого округа. В помощь станичному начальнику полагалось два станичных судьи, выполнявших роль заседателей правления и замещавших начальника в случае его отсутствия. Делопроизводство и ведение документации возлагалось на станичного или поселкового писаря, назначавшегося из владеющих грамотой казаков. Первоначально население новополюсовых поселков пыталось проводить выборы станичных начальников без согласования с полковыми командирами, но такие факты администрации войска были сразу же пресечены, а избранные населением органы управления распущены. Поэтому исполнявший первое время обязанности поселкового начальника зауряд-хорунжий Федоров уже в 1845 году был заменен урядником Якуповым. Приказом Наказного Атамана графа Н.Е. Цукато в ноябре 1845 года казакам было строжайше запрещено выбирать на должности станичных начальников кандидатов без одобрения вышестоящих начальников, так как зачастую они, «являясь неграмотными и беспечными, производили медлительность в течении дел и разные беспорядки, ставящие полковое правление в затруднение при исполнении распоряжений начальства».⁵

Одновременно с образованием станичных юртов было осуществлено распределение поселений по полковым территориальным округам. В соответствии с принятым в декабре 1840 года новым положением об Оренбургском войске, оно разбивалось на 10 полковых округов и входившие в их состав казачьи станицы и поселки составляли территориальный полк. Для несения внешней службы каждый полковой округ в соответствии с численностью населения, по нарядам Войскового штаба ежегодно представлял необходимое количество людей. При каждом полковом округе создавалось правление, осуществлявшее военное и гражданское управление на подведомственной территории, действуя при этом через станичных начальников и поселковые правления.

Полковые округа в Оренбургском казачьем войске сформировались в начале 1841 года, а через два года в их состав были введены и номерные поселки Новолинейного района. Великопетровский станичный юрт вошел в 5-й полковой округ, штаб-квартира которого находилась в укреплении Константиновском. Командовал полком войсковой старшина Ваулин.

В начале 1844 года в поселок Варненский с инспекторской проверкой прибыла группа чиновников и офицеров Оренбургского казачьего войска во главе со штаб-офицером Первого военного округа полковником Тимлером. В составе группы были также Старший член Войскового правления полковник Падуров и командующий 5-м полковым округом войсковой старшина Ваулин. Тщательно осмотрев хозяйства казаков-переселенцев, Падуров сделал серьезное замечание зауряд-хорунжему Федорову, исполнявшему обязанности начальника поселка, за плохое состояние казачьих хозяйств и небрежное строительство жилья и надворных построек. После поселкового смотра к проверяющим подошла группа жителей с жалобой на неудачное расположение поселения и качество воды. Вернувшись в Оренбург, полковник Падуров доложил военному губернатору генерал-лейтенанту В. А. Обручеву о просьбе казаков. По указанию Обручева Войсковое правление направило в поселок инженерного поручика Пажан де Монсе для определения места для переноса поселения. В апреле 1844 года такой участок был выбран в 7 верстах от прежнего, вверх по течению речки Кисене у Светлого ключа. Он во всех отношениях удовлетворил казаков — один из берегов, высоко поднимавшийся над участком будущего поселения, надежно прикрывал его от ветров, из той же возвышенности вытекало несколько ключей с отличной питьевой водой.

В мае 1844 года началось переселение казаков на назначенное место, на прежнем осталось несколько построек, а впоследствии рядом вырос переселенческий поселок Краснополянский, упраздненный во время хрущевских укрупнений в 1950 году. Одновременно с переселением на урочище Ак-Булак в Варну была переведена часть казаков из Алексеевской станицы. Переселившиеся туда в 1841 году 430 человек из упраздненной Мочинской станицы вскоре ощутили нехватку земли. По причине удаленности паевых наделов от станицы казаки обратились к высшему губернскому начальству с просьбой разрешить им переехать в Варну, где имелись в избытке свободные земли под пашню и сенокосы. С переводом казаков Мочинской станицы численность населения Варны возросла до 893 душ обоего пола. По численности жителей Варненский поселок уступал только Михайловскому, Николаевскому и Константиновскому укреплениям и значитель-

но превосходил другие населенные пункты Новолинейного района. В дальнейшем массовых переводов населения в поселок не проводилось и имели место лишь отдельные факты передвижения казаков с разрешения военного начальства. Впоследствии прирост населения достигался только естественным путем.

С переводом поселка на новое место началось возведение капитальных жилых строений. Первоначально было заложено три улицы, разбитые на 8 кварталов. Нижняя улица выходила на берег речки, главной считалась средняя, где находились поселковое правление и площадь. Дома, как правило, закладывались деревянные на две комнаты либо с крестообразной планировкой внутри. Землянок строили немного, и они ставились на окраине поселка, где жили менее состоятельные казаки. Часть домов была разобрана и перевезена со старого места, а часть возведена вновь из леса, отпущенного по предписанию Войскового правления. В начале следующего, 1845 года в поселке уже насчитывалось 120 деревянных домов и общественных зданий, 35 землянок, школа и было начато строительство культовых сооружений.⁶

С самого начала население поселка было интернациональным по своему составу. В это время в Варне проживало около 40% татар, ранее служивших в полках регулярной армии, 39% русских, 11% калмыков, 2% украинцев (малороссов), а также белорусы и несколько казахских семей, не входивших в войсковое сословие. Причем за все время существования казачьей станицы не было зафиксировано ни одного факта каких-либо столкновений на почве межнациональных отношений, что было обусловлено особенностями быта войскового сословия: в бою казакам не было никакого дела до национальной принадлежности или вероисповедания — в бою есть товарищ, на чье плечо можно всегда опереться, и есть враги. Сильный отпечаток на взаимоотношения между жителями накладывали и особенности казачьей службы и быта с их жесточайшей регламентацией и воинской дисциплиной.

Население Варненского поселка росло довольно быстро. Если в первые два года после основания в нем проживало немногим более 400 человек, то к 1858 году согласно отчету о состоянии казачьего войска в нем уже жило 1280 человек, в том числе 661 мужского и 620 женского пола.⁷ Для сравнения можно привести численность населения близлежащих населенных пунктов. Так, в станице Николаевской числилось 840 человек обоего пола, в Кулевчинском — 1082 человека, в Катенинском поселке — 531 и в Бородиновском всего 552 жителя. После реформирования в 1855—1857 годах полковых округов их численность была доведена до 12, а Варна перешла в 7-й полковой округ. В новом округе было объединено 7894 казачьих двора, и его штаб-квар-

тира была перенесена в станицу Михайловскую. Командиром полка в это время являлся подполковник В.К. Деменев. По ведомости о населении Оренбургского казачьего войска за 1862 год, в Варненском поселке уже числилось 1340 человек, в том числе 699 женщин. К этому времени в поселке были возведены одна соборная и одна пятивременная мечеть, службу в которых вели 2 имама и 2 азанчи. Приход состоял из 613 человек, проживавших в поселках 5-го, 6-го и 7-го полковых округов. Помимо татар, к приходу соборной мечети были причислены башкиры, мещеряки и казахи из близлежащей округи. Для сравнения можно привести такие данные: всего в Оренбургском казачьем войске имелось 24 соборных и 4 пятивременные мечети, где службу вели 24 имама и 20 азанчи. Кроме мечетей, в поселении имелась походная православная церковь, а население было приписано к приходу Великопетровской станичной церкви.

В 1865 году по указу Александра Второго Оренбургское казачье войско было подвергнуто серьезной реорганизации, затронувшей военно-административное устройство войска. Из прежних 68 станиц 26 были упразднены. Изменения затронули и Великопетровский станичный юрт, в состав которого с февраля 1866 года вошли Аннинский, Варненский, Полтавский, Парижский и Толстой поселки. Варшавский поселок был выделен в самостоятельный станичный юрт, в соответствии с чем изменилась и структура полковых округов.

К началу 70-х годов XIX века казаки пустили прочные корни на новом месте, хозяйства их окрепли, что сказалось на дальнейшем росте численности населения. Как видно из данных Оренбургского губернского статистического комитета, в 80-е годы в Варненском поселке проживало 2397 человек, а количество дворов возросло до 308. Ежегодно с 1 по 10 ноября в поселке проводилась осенняя ярмарка, на которую жители ближайших станичных юртов съезжались для продажи и покупки сельскохозяйственной продукции. На Варненской ярмарке продавалась пшеница, овес, ячмень, просо, мука-крупчатка и мелких помолов, шерсть, выделанные кожи и изделия из них. Отдельный ряд на торговом месте (располагалось на западной окраине, где теперь находится колхозный рынок — В.К.) предлагал различные сорта мяса — говядину, баранину, свинину, конину, мясо домашней птицы и дичь как целыми тушами, так и вразвес. Реализовывались на поселковой ярмарке и изделия местных промыслов — глиняная посуда, изделия из дерева, плетеная из ивовых прутьев мебель, рыболовные снасти, а также пуховые вещи — шарфы, перчатки, варежки, вуали и знаменитые «шали» — пуховые платки. На ярмарку нередко приезжали продавцы и покупатели из

таких удаленных от поселка мест, как Троицк, Звериноголовская, Кустанай, Орск. Годовой денежный оборот ярмарки составлял в начале XX века около 30 тыс. рублей. Аналогичная ярмарка проводилась только в Николаевской станице с 6 по 16 декабря и с 6 по 16 марта, специализировавшаяся на торговле скотом и хлебом.

В конце 70-х годов в состав поселка, кроме того, входило еще два хутора. Один, принадлежавший офицерской семье Кочуровых, располагался на речке Нижний Тогузак (Кисене) на месте прежнего нахождения поселка и насчитывал 15 дворов и 87 человек жителей. Другой, принадлежавший старшему уряднику Н. Усманову, также находившийся на Тогузаке, так и назывался Усмановский. В 20 дворах этого хутора в 1889 году жило 143 человека.⁸ Своего хуторского управления они не имели, подчиняясь Варненскому поселковому правлению.

Случившийся в 1892 неурожайном и засушливом году сильный пожар, уничтоживший полностью северо-западную часть поселка, оставил без крова более 100 семей. Полностью оправиться от этого бедствия казаки смогли только к началу первой мировой войны. Если в 80-е годы в Варне насчитывалось 308 дворов, то в 1900-м — только 290, хотя население поселка выросло до 2785 человек.⁹ Для сравнения: в Николаевке жило 1400 человек, в Кулевчинском поселке — 1488, в Бородиновском — 1618, в Катенинском поселке — 2237 душ обоего пола.

К началу XX века в составе поселка имелось уже три хутора — 1-й Кочуровский на озере Кольбек (20 дворов, 118 жителей), 2-й Кочуровский на речке Нижний Тогузак (16 дворов, 132 жителя) и Усмановский (13 дворов, 118 жителей).

Первый Кочуровский хутор принадлежал семье сотника Абдулвагана Кочурова и после его смерти перешел к старшему сыну Шайхисламу, умершему в начале XX века в чине генерал-майора. Второй Кочуровский хутор являлся собственностью зауряд-хорунжего Багаутдина Кочурова и его жены Баби-Майуллы Кочуровой (Усмановой). А в 1894 году он перешел к старшему сыну Шагаутдину Кочурову. В этом же году к хутору было отмежевано 238 десятин земли (85 десятин пашни, 10 — лугов, 138 — под выгон скота и 5 — под водой). Усмановским хутором владели наследники хорунжего 7-го казачьего полка Назара Усмановича Усманова.

Столыпинская аграрная реформа, осуществлявшаяся в начале века, обусловила громадный приток в Сибирь и на Урал переселенцев из центральных губерний империи. Многие из них, не имея средств для продвижения в Сибирь и на Дальний Восток, оседали на Южном Урале, в том числе и на казачьих territori-

ях, где не было недостатка в земле. Иногородние, как назывались казаками лица невоишкового сословия, имели право селиться в черте казачьих поселений, но землей не наделялись, а арендовали ее у казаков за особую плату.

В 1906—1912 годах первые такие переселенцы появляются и в Варненском поселке. К началу первой мировой войны в Варне на казачьих землях проживало более 120 человек арендаторов и наемных сельскохозяйственных рабочих и членов их семей, многие из которых заводили в поселке свои дома и приобретали недвижимость. С учетом разросшихся хуторов и хозяйств иногородних, численность дворов выросла в поселке к 1917 году до 605, против 339 в 1900-м.

Рост населения, а также удаленность поселка от Великопетровской, где находилось станичное правление, затрудняли оперативное решение многих текущих вопросов и обусловили постановку вопроса о выделении Варненского поселка в самостоятельную станицу со своим станичным правлением. Февральская революция, буквально взорвавшая страну, смела прежние органы управления казачьим войском. В начале 1917 года в Оренбурге впервые было создано Войсковое Правительство области войска Оренбургского с широкими полномочиями по управлению войсковыми землями. Если раньше решение вопросов территориально-административного устройства являлось исключительно прерогативой императора, Военного министра и Главного управления казачьих войск, то теперь они могли решаться на местах исходя из принципа целесообразности.

18 августа 1917 года состоялся поселковый сход казаков Варненского поселка, принявший решение ходатайствовать перед Войсковым Правительством области войска Оренбургского о выделении из состава Великопетровского станичного юрта.¹⁰ «Население поселка настолько обширно, — отмечалось в протоколе Сбора за номером 5, — что управлять им крайне тяжело из-за удаленности станичного правления, находящегося от Варны на расстоянии более 30 верст. В поселке имеются все необходимые помещения для размещения органов управления, а поселковое правление может быть преобразовано в станичное с наименованием «Варненское станичное правление». 1 сентября состоялся станичный Сбор Великопетровской станицы, в котором отмечалось, что препятствий к выделению Варны в самостоятельную станицу не имеется.¹¹

После рассмотрения этого вопроса Войсковым Правительством, 11 октября 1917 года, было принято решение об удовлетворении ходатайства гласных Варненского поселка, о чем было объявлено в приказе по Оренбургскому казачьему войску. Приказ

о преобразовании Варны в станицу подписали Председатель Войскового Правительства Войсковой Атаман полковник А.И. Дутов и Войсковой секретарь А.И. Завалишин.

Начавшиеся вскоре боевые действия между красногвардейскими отрядами и верными Войсковому Правительству и присяге казачьими дружинами, а также гражданская война раскололи прежде монолитное казачество. В кровавой борьбе казачество столкнулось насмерть — каждая сторона фанатично отстаивала свои представления о будущем Родины, считая занятую позицию единственно верной. Раскололись на несколько лагерей и казаки Варненской станицы. Часть из них в составе отряда полковника М.А. Кочурова и есаула Гребенщикова выступила против большевиков, другие вступил в сформированный в Троицке Первый социалистический добровольческий казачий полк им. Степана Разина и отряды братьев Николая и Ивана Кашириных. Значительная часть казаков, в душе сочувствуя той или иной стороне, непосредственного участия в боевых действиях не принимала, заняв выжидательную позицию «казачьего нейтралитета». Иногороднее же население станицы в своем подавляющем большинстве встало под красные знамена.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАКОВ

Переселение казаков в поселки Новолинейного района проходило в несколько этапов. Первоначально в назначенные места посылались рабочие команды, состоящие из семей переселенцев, и только потом оставшиеся с домашним скарбом и скотом. Все расходы по переселению ложились на плечи казаков, вынужденных за бесценок продавать в прежних местах жительства нажитое с большим трудом имущество, дома и часть сельскохозяйственного инвентаря. Из нескольких тысяч переселенцев только 114 наиболее несостоятельным семьям казна оказала финансовую помощь, выделив в качестве пособия по 14 рублей серебром, да нескольким десяткам калмыцких семей из упраздненного казачьего войска из собственных сумм приобрело рабочий скот, лошадей и некоторый сельхозинвентарь.

Прибывшему в поселок № 30 рабочему отряду из Верхнеуральского крепостного арсенала было выдано 26-ружей с 20-ю патронами на каждое, 10 пистолетов и 30 шашек старого образца

на случай нападения кочевников. В течение первого месяца рабочая команда заготавливала строительные материалы, косила сено и перевозила его поближе к поселку. Но уже к началу июля кочевники активизировали свою деятельность и дважды предпринимали попытки захвата людей. 5 июля 1843 года начальник команды зауряд-хорунжий Федоров отправил группу казаков для заготовки тальника на изгородь вокруг сеновала. 10 казаков во главе с приказным Аюповым, нагрузив несколько телег ивняком, собирались ехать в поселок. Внезапно они были атакованы отрядом кочевников, в котором, судя по донесению в окружное Дежурство, было не менее 60 всадников. Аюпов, не растерявшись, приказал казакам залечь под телегами и открыть огонь по нападавшим. Дважды джегалбайлинцы пытались приблизиться к казакам на расстояние полета стрелы, но оба раза их отгоняли ружейным и пистолетным огнем. Кочевники, не имевшие огнестрельного оружия, все же ранили двух человек из луков, сами при этом потеряли 6 человек ранеными и убитыми. Заслышав отдаленные выстрелы, Федоров с 20-ю казаками поспешил на помощь к отряду Аюпова и совместными усилиями они рассеяли степняков, захватив при этом 4 лошади. Второй раз кочевники напали ночью и попытались поджечь недостроенные дома и заготовленное сено. В ходе нападения кочевники убили одного и ранили троих казаков, а также сожгли 4 из 15 стогов.

Ко времени прибытия основной массы переселенцев, рабочая команда успела построить 20 жилых домов, поселковое правление, вспахала 30 десятин целины под озимые и засеяла 11 десятин. После переезда в Новолинейный район основной части казаков и белопахотных солдат, экономическое освоение территории пошло более быстрыми темпами. В течение зимы казакам удалось довести до конца строительство домов, в которых первоначально размещалось по 5—6 семей, надворные постройки, загоны и навесы для скота. Но первый год жизни, как уже отмечалось, показал необходимость переноса поселения на другое место, что и было осуществлено в следующем 1844 году.

Для строительства жилья и зданий общественного назначения Войсковое правление выделило более 4 тыс. корней леса из дач Джабык-Карагайского войскового бора. Для заготовки леса в район Анненского поселка из Варны была направлена команда в 60 человек со всем необходимым инструментом. Вывозка леса осуществлялась каждой семьей самостоятельно, главным образом на волах. В двух верстах севернее поселка, вниз по течению реки, был построен сарай и обжиговые печи для производства кирпича из местного материала, а также изготавливался саман для землянок. Поселок возводился по разработанному инженера-

ми отдельного Оренбургского корпуса плану со строгой линейной планировкой. Улицы и переулки, в отличие от крестьянских деревень, застраивавшихся бессистемно, образовывали строгие квадраты кварталов с площадью у поселкового правления. Казацкие усадьбы и хозяйственные постройки обносились каменными заборами или ивовыми плетнями.¹

Одновременно с возведением жилья и надворных построек была начата разбивка полей, и лугов и землемеры приступили к наделению казаков земельными паями. Первоначально паевые в размере 30 десятин нарезались всему мужскому населению, достигшему 14-летнего возраста. В пай входила земля под пашню, луга, а там, где их не было, под сенокосные угодья выделялись в двойном размере участки степи. Оставшиеся земли вошли в общественное пользование под пастбища скота и лошадей и в поселковый резервный фонд для наделения будущих казаков. Земляные пай не являлись частной собственностью казаков, а принадлежали войску и периодически перераспределялись. Земля служила войсковому сословию платой за военную службу и являлась для них основным и зачастую единственным источником получения средств к существованию и приобретения необходимого для несения службы обмундирования и снаряжения. Распределение земель внутри станичного юрта завершилось к 1849 году, а уже к началу 60-х в пользовании жителей Варненского поселка находилось 34490 десятин 650 сажений всей земли, в том числе: 22810 дес. пашни, 590[^] дес. лугов, 270 дес. леса и более 11 тыс. дес. в резервном фонде. Николаевская станица имела в пользовании 31177 дес. земли, Бородиновский поселок — 22312 десятин, Чесменский — 21731 дес. земли.

Фактически в пользовании казаков Варненского поселка, в расчете на одного землепользователя, земли было больше, чем это определялось нормами Войскового правления. Общепризнанная норма включала 24 дес. пашни и 6 дес. лугов, но так как в поселке имелось всего 590 дес. лугов, то многие казаки вместо них получали двойную норму — по 12 дес. прекрасной ковыльной степи под сенокосы. Поэтому реальный земельный надел одного пая составлял 36 дес. на мужскую душу. В ходе проводившегося с 1867 года размежевания станичных и поселковых земель, кое-где размеры казачьих наделов были изменены, но Варненского поселка это не коснулось.³

Первые годы жизни казаков на новом месте протекали в нелегких условиях. Естественные трудности, обусловленные сменой места и образа жизни, усугублялись неблагоприятными погодными условиями — регулярными засухами и стихийными бедствиями. В 1845 году случился небывалый недород. Потратив

немало усилий на поднятие вековой целины, казаки почти не сняли урожая. В следующем 1846 году удалось собрать хлеба чуть больше, чем было затрачено семян. Неурожайными выдались 1848 и 1849 годы. Казаки, не имевшие никаких запасов, переживали тяжелый голод. Несмотря на предоставленную администрацией войска трехгодичную льготу от службы, экономическое положение казаков не улучшалось, что всерьез обеспокоило Войсковое правление. Для выяснения на месте причин бедственного положения переселенцев, в Новолинейный район был направлен начальник штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Н.В. Жуковский. Объехав станицы Первого и Второго военных округов, он нашел положение переселенцев крайне неблагоприятным. Особо в плачевном состоянии оказались калмыки бывшего Ставропольского иррегулярного войска.

Привыкшие к кочевому образу жизни калмыки, к тому же разобщенные между собой и расселенные по несколько семей в 23 поселках, так и не смогли приобщиться к оседлости. В выстроенных для них башкирскими рабочими командами домах они не жили, предпочитая им войлочные кибитки, устраиваемые здесь же, в черте усадьбы.

Скот, приобретенный для них администрацией войска, они сразу же забыли и, проев выделенное им на первое время продовольствие (сухари, крупу и муку), вскоре очутились в тяжелом положении. Власти, расселяя калмыков среди русскоязычного населения, полагали, что такое соседство позволит кочевникам быстрее адаптироваться к новым условиям и перенять навыки обработки земли и ведения хозяйства. Однако расчеты чиновников не оправдались — калмыки всячески избегали сношений с русскими и татарами и, несмотря на острый недостаток у них женщин, в смешанные браки не вступали. Насильственно обращенные в христианство, калмыки еще долгое время поклонялись втайне бурханам и медленно вымирали от болезней и употребления в пищу мяса павших животных. Если в 1843 году в войско было переселено 2358 человек, то к 1883-му, по свидетельству А.Ф. Рязанова, их оставалось всего 1204 души обоего пола.⁴

«Регулярные недороды хлеба, — писал генерал Жуковский в донесении наказному атаману Оренбургского казачьего войска, — усугубляются вспышками инфекционных болезней среди скота, особенно среди лошадей. Весной 1847 года внезапно начался падеж лошадей в поселках 4, 5 и 6 полковых округов из-за неизвестной болезни. У лошадей сначала опухает голова, ноги, а затем появляется обильный гной из глаз и ноздрей, потом обильная пена изо рта. Как видно из докладов станичных начальников, в поселках одного 5-го полка заболело 835 лошадей, из

коих пало около 600».⁵ В Варненском поселке в 1846—1848 годах численность рабочих лошадей сократилась на одну треть и составила всего 316 голов на весь поселок.

По докладу Жуковского наказной атаман граф Н.Е. Цукато приказал передать жителям поселков, пострадавших от неурожая, 50 тыс. пудов хлеба из общественных магазинов 7,8 и 9-го полковых округов.⁶ Для пополнения хлебных запасов в самом поселке Цукато распорядился увеличить площади под общественную запашку. Каждый житель в обязательном порядке должен был участвовать в обработке полей, посевах и уборке хлебов на общественных полях, урожай с которых ссыпался в поселковый магазин и являлся неприкосновенным запасом на случай стихийных бедствий. Зерно из магазинов могло быть выдано только с разрешения командира полкового округа и исключительно семьям несостоятельных казаков, пострадавшим от града, пожара или другого бедствия.

Такие явления, как неурожай и поджоги степи кочевниками, были отнюдь не редкостью в этом беспокойном крае. Только в районе Елизаветинской станицы кочевники, пустив пал, выжгли степь на протяжении 30 верст в ширину и 10 в глубину. В огне было уничтожено более 200 десятин неубранного хлеба, 6100 снопов пшеницы, 73 стога заготовленного сена, полностью сгорели руды № 3 и один летний пикет с маяком. В поселках Великопетровского станичного юрта в 1851—1856 годах в 12 пожарах сгорело более тысячи десятин различных посевов и большое количество сена и собранной в стоге соломы. Немалый ущерб наносили и проливные дожди и выпадание града. «26 июля 1857 года,— писал в Войсковое Дежурство штаб-офицер Первого военного округа полковник барон Фитингоф,— в Варненском поселке градом выбило 67 десятин разного хлеба, оценивающегося в 653 рубля серебром».⁷ О степени нанесенного ущерба можно судить по следующим данным — средний размер посева хлебов на одно хозяйство составлял 5—6 десятин. Таким образом, только в один день полностью были уничтожены посевы 11 семей.

В исторической литературе, когда речь заходила о казачестве, обычно отмечали чуть ли не патологическую приверженность этого самобытного сословия самодержавию, рисуя казаков «цепными псами царизма» и охранителями его устоев. И обязательно добавляли, что за эту верность самодержавию с поистине царской щедростью расплачивалось с казаками землей (тут обычно приводились цифры, характеризующие размеры крестьянских наделов где-нибудь на орловщине и казачьи усредненные), и вот за эти десятины и мифические льготы, получается, и лупцевали своих соплеменников «господа нагайкины». Вот как это было в действительности.

Возьмем, к примеру, семью казака Варненского поселка Тимофея Савинова, состоявшую из 6 человек. Кроме главы семьи в ней было еще двое сыновей — Петр (17 лет) и Василий (21 год). Трое остальных — жена и дочери при наделе землей в расчет не принимались и паев соответственно не получали. Таким образом, семья Т. Савинова (сыновья из хозяйства не выделялись) имела в 1881 году в своем пользовании 72 десятины пригодной для посевов земли и 36 десятин под покос, которые предоставлялись им за отправление казачьей службы. По среднестатистическим российским меркам, земли у семьи было более чем достаточно — по 18 десятин на душу, включая и женщин. Но разберем, что приносила эта земля и что за нее был должен казак.

Недвижимость семьи Савиновых состояла из дома, надворных хозяйственных построек и огорода. В хозяйстве имелась одна рабочая лошадь, вол, 4 головы крупнорогатого скота, 10 овец и 20 гусей. Из 72 десятин пахотной земли семья в 1875—1877 годах заседала от 5 до 6,5 десятин, в том числе 4 десятины ржи и 1—1,5 десятины овса и на огороде — 0,25 десятины картофеля. Урожайность даже в самые лучшие года не превышала сам — 4, в среднем с каждой десятины семья собирала по 35 пудов зерна (5,6 ц).⁷ Таким образом, засевая 6 десятин, Савинов получал в конце года 33,6 центнера хлеба, распределяя его на три неравные части — на питание семьи, продажу и корм скоту. С покосов казак получал не более 80 пудов сухого сена с десятины (1,2 т) или 20—25 т со всего пая.

По существовавшим условиям, казаки были обязаны выходить на службу, приобретая за свой счет обмундирование, вооружение, все необходимое снаряжение и строевого, коня. Денежные средства на покупку амуниции казак должен был брать из доходов от земельного пая, поэтому был вынужден продавать значительную часть полученного урожая и даже часть скота. Насколько обременительными были расходы на снаряжение, показывают следующие данные: строевой конь стоил 35—40 рублей серебром, оружие (шашка, ружье, пистолет и пика) 12—15 руб., обмундирование (комплект) — 15 руб., седло с полным прибором — 10—12 руб., причем стоимость снаряжения постоянно возрастала. Если до 70-х годов полный комплект снаряжения и строевой конь обходились казаку в 72—75 рублей, то уже с 1875 г. сумма необходимых расходов возросла до 200—205 рублей...⁸ Даже продав большую часть собранного урожая, казак выручал за него не более 25—30 рублей серебром (пуд ржи стоил от 1,7 до 1,9 рубля). Во взятом же нами примере необходимо было иметь все в тройном размере. Но так как глава семьи уже имел обмундирование и коня, то ему приходилось приобретать

в течение трех лет два комплекта для своих сыновей, на которые он тратил более 400 рублей. А в семье подрастало еще две дочери, которым нужно было готовить приданое и справлять свадьбу. Ясно, что ни о каком благосостоянии здесь не может идти и речи. Для приобретения «справы» казаки вынуждены были сдавать в аренду большую часть своей земли состоятельным казакам либо иногородним, получая в год за каждую десятину от 1,2 до 1,7 руб. арендной платы. Продав часть урожая и сена, сдав половину земель в аренду, семья в год получала не более 48 рублей денежного дохода и была вынуждена искать побочные источники получения денег. В 1873—1878 гг. интересующая нас семья занималась промыслами или нанималась на сезонные работы к более зажиточным жителям поселка.

Недостающие для снаряжения казаков суммы брались из капитала станицы в рассрочку и под проценты. Поэтому, справив необходимое для службы снаряжение, казак еще несколько лет расплачивался за коня и обмундирование.

Отрицательно сказывались на экономическом положении казачьих хозяйств постоянные и длительные отлучки казаков на службу, срок которой к началу 70-х годов был сокращен до 20 лет. Зачастую оказывалось так, что одновременно на службе находилось по 2—3 работоспособных члена семьи, а вся тяжесть ведения хозяйства ложилась на плечи женщин и детей.

Недоимки казаков имели только одну тенденцию — к росту. Так, по данным Войскового Хозяйственного Правления, к 1 января 1886 года казаки 5-ти поселков Великопетровского станичного юрта задолжали в станичный и войсковой капитал 3519 рублей 46 коп. и 29 667 пудов хлеба, в том числе и варненцы.⁹ В целом по войску долг составил 1 948 054 руб. 84 коп. или 10 руб. 93 коп. на одну душу войскового сословия. А какими льготами пользовались казаки? Освобожденный от подушного оклада в казну, казак ежегодно вносил денежные суммы в пожарный капитал, губернские и войсковые сборы, что, собственно, не меняло сути платежей: не важно куда, важно, что они взимались. По сути дела, оставаясь такими же крестьянами, казаки отличались от них тем, что после 1861 года любой крестьянин по своему выбору определял место жительства и род занятий. Казаку же до выхода в «чистую» отставку запрещалось даже выезжать на заработки из станицы. Ни он, ни его дети не могли выйти из войскового сословия, оставаясь фактически на положении крепостных. Отсюда видно, что утверждения о привилегированности казачьего сословия являются надуманными.

Долго не мог справиться поселок от последствий произошедшего в 1892 году сильного пожара. От удара молнии сгорела

значительная его часть, а материальный ущерб, по официальным (как правило, всегда заниженным) данным, составил более 14,5 тыс. руб. серебром. Пожар, а также небывало засушливые 1891—1893 годы поставили казаков на грань нищеты. Только оказанная Войсковым Правлением помощь позволила пережить тяжелое время, а в 1894 году, по случаю бракосочетания наследника престола — Войскового Атамана всех казачьих войск России Цесаревича Николая, с казаков Оренбургского казачьего войска были списаны все долги. По всем станицам были отслужены благодарственные молитвы.

Ухудшавшееся положение казаков вынудило правительство в начале века принять ряд мер, направленных на облегчение условий их службы. В частности, были сокращены сроки нахождения на службе, разрешен выезд из станицы на срок до одного года, а также из казны стали выделять сторублевое пособие на приобретение снаряжения и обмундирования. С этого времени огнестрельное оружие стало предоставляться казакам за счет войска. Вместе с тем фактическая стоимость «справы» к началу первой мировой войны увеличилась до 250—300 рублей с 204 рублей в 80-е годы.

В зоне рискованного земледелия, каковой являлись практически все без исключения земли Оренбургского казачьего войска, важное значение в хозяйственной деятельности имело огородничество, почти на треть обеспечивавшее население продуктами питания. К началу 50-х годов все казаки поселка завели свои собственные огороды, раскинувшиеся почти на две версты по обоим берегам речки Нижний Тогузак. Такое расположение огородов было удобно во всех отношениях — весной большинство из них заливались паводковыми водами и приносили даже в самые засушливые годы стабильный урожай капусты, репы, картофеля, огурцов. Помидоры и некоторые другие овощи казаки не культивировали, считая их «баловством». Кроме того, расположение огородов у речки позволяло поливать овощи теплой водой, что, в свою очередь, увеличивало урожайность выращиваемых культур. На склонах речки, за поселком разбивались бахчи, дававшие неплохой урожай "арбузов и тыквы, хранившихся казаками почти до середины зимы.

Войсковое Правление, заинтересованное в укреплении казачьих хозяйств, всемерно поддерживало развитие и подсобных промыслов, дававших возможность существенно пополнить бюджет семей, поощряло развитие предпринимательства. С начала 40-х годов (решение было принято в 1836 г. — В.К.) в войске создается специальное торговое общество, а его члены, занятые предпринимательством и торговлей за особую плату, вносимую

в станичный капитал, освобождались от воинской службы. Именно на основе торгового общества к середине 50-х годов в войске стали складываться ярмарки и возникать мелкие предприятия по переработке продукции сельского хозяйства — кожевенные мастерские, мельницы, салотопни, бойни и т. п. Поселкам было выгодно иметь на своей территории такие предприятия, ибо отчисляемая ими арендная плата частично шла и в станичный и поселковый капиталы, из которого выделялись средства на содержание должностных лиц, структур управления, выплачивалось жалование поселковому учителю, оказывалась помощь малоимущим в приобретении «справы» и компенсировался частично ущерб от стихийных бедствий.

Благодаря этой поддержке в Варненском поселке к началу 80-х годов насчитывалось около 10 таких кустарных предприятий — две салотопни, крупорушка, две семейные мастерские по выделке кож и пошиву меховых изделий, торговая лавка. Несколько семей занималось изготовлением плетеной мебели и валянием зимней обуви. В черте поселка работал кирпичный заводик с двумя печами, изготавливавший в месяц до 10 тыс. штук кирпича, спрос на который был довольно устойчивый. Предприятие оказалось настолько прибыльным, что к началу XX века перешло в собственность купеческого торгового дома братьев Яушевых и ежегодно приносило в поселковый бюджет свыше 600 рублей арендной платы. Для размолта пшеницы в поселке было построено 5 водяных и 4 ветряных мельницы, 6 из которых принадлежали казакам, 2 разночинцам, а одна являлась собственностью поселка, и доходы от нее полностью шли на пополнение станичного капитала.¹⁰ К началу XX века часть владельцев мельниц, не выдержав конкуренции, продала их Усманову, одному из наиболее зажиточных казаков поселка. Из 5 водяных осталось всего 3, но уже более современных мельницы, а ветряные переделывались с одного на четыре постава каждая. На мельницах осуществлялся крупный и мелкий помол, а на основной мельнице Усманова — и очистка гречи от оболочки.

Начавшаяся вскоре мировая война вызвала небывалый ранее отток рабочих рук из поселка. На фронт уходили казаки наиболее работоспособного возраста, многие из которых погибли, получили тяжелые увечья. Казачьи хозяйства начали приходить в упадок, снизились объемы посевов, количество скота и лошадей. Большинство земель, оставшихся без применения, в отсутствие их владельцев сдавались в аренду иногородним. Станица находилась в преддверии тяжелых испытаний.

3. КАЗАЧЬИ ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИКИ

Казачество являлось своеобразным сословием, соединявшим в себе образ жизни земледельца и профессионального воина, выработавшим свои специфические обряды и традиции, наиболее ярко проявлявшиеся в казачьих праздниках, высокочтимых и любимых всем войсковым населением. В их основе, безусловно, находились общие с другими сословиями и группами культурные и религиозные традиции и корни. Заметный отпечаток на складывание обрядов наложил и многонациональный характер казачества. В частности, в состав войскового сословия Оренбургского казачьего войска входили русские, украинцы, калмыки, татары, мордва, башкиры, мещеряки и др. Численность их была различной, но в той или иной мере их культуры оказали влияние на складывание образа жизни казачества.

С течением обстоятельств объединенные в единое сословие различные национальные группы взаимно обогащали друг друга, в то же время сохраняя некоторые особенности своего национального уклада. Так получилось, что в Варненском поселке сошлись две культуры — оседлая в своей основе русскоязычная и в недавнем прошлом кочевая, татарская и калмыцкая. К этому времени татары (в войске впервые появились в середине XVIII века под названием тептярей) во многом утратили элементы кочевого образа жизни, адаптировались к оседлости, вобрав традиции окружающих национальных групп. Единственным резким различием между казаками-татарами и русскоязычным населением войска являлась религия. Варненские татары в отличие от ногайских, сохранили свою традиционную религию — ислам. Принадлежность к разным мировым религиям не являлась препоной в межнациональных отношениях. Они развивались на иной основе — сознании общности войскового сословия и регламентировались особенностями казачьего уклада жизни. В отличие от калмыков, которые, как уже отмечалось выше, держались в стороне от основной массы населения поселка, татары, русские, малороссы, мордва вступали в смешанные браки, не делая из национальной или религиозной принадлежности препятствий для бытового общения. Религиозная принадлежность не являлась препятствием и в продвижении по служебной лестнице — многие представители рода Кочуровых, Усмановых и Велиных являлись потомственными офицерами Оренбургского казачьего войска и достигли тех же чинов, что и офицеры православного вероисповедания. При выходе казаков на службу — одновременно проводился молебен в православном храме и в мечети, а во

время военных кампаний в походе казаков сопровождал священник и азанчи.

Говоря о религиозной веротерпимости в Оренбургском казачьем войске, нельзя не отметить и то, что элементы притеснений по религиозным мотивам все же имели место. Но касались они исключительно последователей сектантских течений в христианстве.

По данным на 1 января 1904 года, в поселке Варненском проживало 5 офицеров: полковник Ш.А. Кочуров (незадолго до начала первой мировой войны уволен в отставку с чином генерал-майора), подьесаул Шаймардан Кочуров, сотники Шахмурат, Султан и Сагивалей Кочуровы.

В середине 40-х годов приказом военного губернатора и установлениями Св. Синода православной церкви ограничивалось продвижение по службе лиц, приверженных к расколу, и калмыков, исповедовавших языческую религию¹. Но эти факты были крайне редки. Вне зависимости от национальности и вероисповедания офицеры войска в XIX веке обычно не поднимались выше чина есаула, и одной из особенностей казачьих офицеров было резкое несоответствие между обер-офицерскими чинами и возрастом.

В казачестве, являвшемся военно-служилым сословием, наиболеe отчетливо, чем где-либо сложились устойчивые патристические традиции. Вся жизнь казака с малых лет была ориентирована на подготовку к будущей воинской службе и защите Отечества. Обычными занятиями поселковой детворы были игры в «казаков-разбойников» и «войну», стрельба из самодельных луков, езда на лошадях. К 7—8 годам любой ребенок в станице в совершенстве осваивал технику верховой езды, а к 10—12 годам проводил почти все лето при лошадях в «ночном». Полувоенная атмосфера царила и в поселковых казачьих школах. Наряду с изучением Закона Божьего, арифметики, правописанием и чтением казачата под присмотром специальных инструкторов из отставных урядников учились владению шашкой и пикой, занимались строевыми занятиями и гимнастикой. В казачьей школе деревянная шашка была такой же необходимой принадлежностью ученического арсенала, как ручка и тетрадь. С конца 80-х годов в поселковых школах была введена единообразная школьная форма — черные брюки со светло-синими лампасами и серая гимнастерка с кожаным ремнем. В начале XX века эта форма была дополнена фуражкой с кокардой и погонями по образцу войсковых, но без букв и цифр.

Администрация войска строго следила за постановкой обучения в казачьих школах. Ежегодно все поселковые и станичные

учебные заведения лично осматривали станичные начальники и окружные штаб-офицеры, а позднее — атаманы отделов. В случае обнаружения серьезных недостатков издавались специальные приказы по войску, а на виновных накладывались строгие взыскания. Так, в 1857 году Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор И.В. Падуров, побывав во всех без исключения школах, отмечал в приказе, что в Варненском поселке школьная подготовка находится на должном уровне, а ученики показали при проверке удовлетворительные знания, за что поселковый начальник сотник Качуров получил благодарность, а учитель школы урядник Велин прибавку к жалованию на 3 рубля серебром в год больше.¹ Благодаря такому отношению к школьному образованию в Оренбургском войске среди детей школьного возраста грамотность была выше, чем в других — 70,8% (в Донском — 66,9%, Сибирском — 68,8%, Кубанском — 50,6%, Уральском — 47,7%, Забайкальском — 25,7%).²

С 16 лет все казаки зачислялись в «малолетки» и уже в полном объеме готовились к предстоящей службе, а также назначались к выполнению отдельных обязанностей, наряжались для отправления подводной гоньбы, в караулы к общественному сеновалу и хлебным магазинам. Особое внимание при подготовке к выходу «на действительную» уделялось конной подготовке. Требования к строевому коню предъявлялись отборочной комиссией очень строгие — рост его должен быть не менее 2 аршин, здоровое телосложение без изъянов, перечень которых включал более 30 пунктов. Рабочие лошади, если их пытались выдать за строевых, сразу же браковались. Если казак за неимением рабочих лошадей или волов использовал строевую лошадь для каких-либо работ или впрягал ее в телегу или бричку, то за это подвергался строжайшему наказанию (до конца XIX века и телесному), после чего его заставляли покупать нового строевого коня. Строевой конь вместе с обмундированием и оружием должен был содержаться казаками в полной готовности к выходу на службу в течение всего времени нахождения в строевом разряде.

Строевой конь для казаков был не просто верховым животным, а скорее боевым товарищем, с которым ему приходилось преодолевать все невзгоды воинской службы. Не случайно, что одним из элементов обряда прощания уходящего на службу казака была сцена его публичного разговора с конем у крыльца родительского дома. Попрощавшись с родными и близкими, уходящий на воинскую службу или в поход молодой казак, обращаясь к коню, просил: «Брат ты мой боевой, не выдай меня в трудную минуту, принеси домой». Казаки по этому поводу

обычно говорили: «Конь подо мной, как Бог надо мной». Верхом позора для молодого казака считалось падение с коня, во время джигитовки или выполнения конных упражнений.² В таких случаях над незадачливым парнем долго подсмеивались, награждая его едкими насмешками и прозвищами типа «баба» или «казак в юбке».

Военная администрация войска обращала неослабное внимание на состояние взаимоотношений между казаками даже во время их нахождения на льготе, всячески поддерживала воинскую дисциплину и, особенно, авторитет стариков и награжденных Знаком военного ордена и медалями. Казаки, находившиеся на внутренней службе или по домам на льготе, обязаны появляться в общественных местах и в праздники в форменной одежде, а при встрече приветствовать друг друга по воинскому уставу, причем молодой должен был приветствовать старика или награжденного, как тогда говорили, господина кавалера, первым. Вообще для казаков культ стариков был характерным явлением, и по реорганизации системы местного управления в каждом станичном юрте вводились выборные должности станичных и почетных станичных судей, которые замещались исключительно опытными и авторитетными казаками и урядниками. Их слово при разборе разного рода внутриселковых конфликтов было решающим и не подлежало обсуждению.

Совершенно иными, чем в армии, были взаимоотношения между нижними чинами (казак, приказный, младший и старший урядники, вахмистр) и офицерами. Казаки и офицеры всех без исключения станиц, как правило, служили также в одном полку, а по выходе на льготу вели один и тот же образ жизни, и их паевые наделы зачастую размещались по соседству. Общность бытового, уклада и экономического положения (годовое содержание казачьего сотника в 60-е годы составляло всего 88 руб. 80 коп. серебром., т.е. 7,4 рубля в месяц³) накладывала своеобразный отпечаток на их взаимоотношения. Но вместе с тем, через условную черту, разделявшую их, казак и офицеры не преступали. Характер службы, а также принципы комплектования частей с самого начала устраняли самую возможность проявления свойственных остальным формированиям русской армии негативных явлений во взаимоотношениях между нижними чинами. Таких случаев, как издевательства старослужащих над молодыми, притеснения, в казачьих полках не было. Не было в казачьих частях и громадной пропасти, разделявшей армейских офицеров и их подчиненных со всеми вытекающими из этого последствиями. Это обуславливалось, с одной стороны, тем, что казак с детства воспитывался в дисциплине и уважении к будущей службе, кото-

рая в его представлении являлась не тяжелой повинностью, а почетной обязанностью, тем более окутанной романтикой воинских подвигов, навеянной рассказами стариков. С другой стороны, казачьи офицеры, вышедшие из низов, в своей массе имели те же обязанности, что и рядовые казаки. Вместе с ними офицеры строевых полков делили трудности походной жизни и довольствовались из одного котла. С детства они приучались к коллективизму и взаимовыручке. Поэтому казачество и не знало таких позорных явлений, как дезертирство или малодушие в бою. Если кто-то бросал своего товарища в беде, то об этом неминуемо становилось известно во всей казачьей общине и пятном позора ложилось на всю семью и род. За особо тяжкие проступки казака по требованию жителей поселка могли лишить казачьего звания, выселить за пределы территории или отдать в солдаты.

Казачьи традиции и обычаи складывались в течение длительного времени и в той или иной форме неосознанно проявляются в поведении потомков казаков и по сей день. Свадьбы и торжества, связанные с рождением в семье первого ребенка, у варненцев проходили с учетом национальных особенностей, впрочем, как и погребальные обряды, совершавшиеся по религиозным и традиционным канонам. Церковные православные и мусульманские праздники по времени не всегда совпадали между собой и с уважением воспринимались обеими общинами, будь то пасха или ураза. Остальные же, имевшие под собой общую основу — празднование завершения сева, сбора урожая, войсковые торжества — отмечались казаками совместно.

Особенно много народа собиралось в поселке на проводах зимы, проходивших обычно в конце христианской масленицы и воспринимавшейся не как религиозный, а скорее как традиционный казачий праздник. Обычно он проходил следующим образом. Рано утром на поселковую площадь перед правлением собиралось большое количество одетых по форме казаков с женами и детьми. Празднование начиналось со скачек, в которых участвовали все желающие жители Варны на своих строевых лошадях. Дистанция для конных состязаний размечалась заранее по улицам поселка, и ее протяженность составляла 2—3 версты. Принимавшие участие в скачках казаки, преимущественно молодые, выстраивались в ряд и по команде распорядителя праздника — офицера или урядника, с места в карьер бросали лошадей. К состязанию его участники начинали готовиться загодя, откармливая и холя лошадей, так как победа на скачках, помимо морального удовлетворения и титула лучшего наездника, приносила и ценный приз — обычно комплект конского снаряжения, стоивший в начале века около 45 рублей серебром, или полное

форменное обмундирование, также обходившееся казакам по тем временам недешево. Поэтому борьба за лидерство разгоралась на скачках нешуточная — победителями признавались только двое первых, пришедших к финишу, а остальным в качестве награды доставались лишь приветственные крики собравшихся на площади друзей и болельщиков да едкие замечания стариков.

После завершения конных состязаний молодежь строевого разряда и казаки показывали свое умение владением холодным и огнестрельным оружием. На площади параллельно устраивалось 2—3 дорожки с разнообразными препятствиями и барьерами и несколькими соломенными чучелами в конце. Казаки, стартовав одновременно по одному всаднику по каждой такой дорожке, должны были пройти все препятствия и на полном скаку пикой поразить чучело. Затем, развернувшись, вновь проходили дистанцию и рубили шашками лозу, размещавшуюся по обеим сторонам дорожки. На все упражнение отпускалось не более 3 минут и победителем становился тот, кто, первым придя к финишу, срубил больше лозы и поразит чучело пикой «на смерть». Это соревнование признавалось одним из наиболее сложных и было под силу только опытным казакам, прошедшим службу в полках первой очереди. Молодые казаки, выступавшие на необученных и не привыкших к шуму лошадях, запросто могли вылететь из седла, когда их кони внезапно взвизывались перед барьером в свечку, испугавшись выстрелов пушки или криков зрителей. Победа в рубке лозы, помимо приза, выдвигала казака в число реальных претендентов на повышение в чине, особенно, если на соревнованиях присутствовали офицеры из управления отделом, либо сам Атаман, по чину полковник или генерал-майор.

После поселковых соревнований в ловкости и умении владеть оружием аналогичные устраивались в станице и в отделе, за победу на которых казаки получали в награду холодное оружие либо полный комплект обмундирования. Длительное время лучшим наездником 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска считался казак Варненского поселка Дмитрий Самтанов. Вот что писал в казачьей газете очевидец соревнований 1899 года: «Вихрем несясь через сложные препятствия, которые обычно взять нелегко, он (Самтанов) почти невидимыми ударами клинка срезал верхушки лозы, не пропустив ни одной. Бросив шашку в ножны, наездник ударом пики в самый центр чучела сорвал его с места и протащил под восторженные крики собравшихся за собой несколько сажений. Лихой наездник уже гибко спрыгнул с разгоряченного коня, когда основная масса соревнующихся еще только подходила к середине дистанции... Дважды видевший

казака в выполнении этого упражнения Атаман 2-го военного отдела полковник В.А. Толмачев вручил варненцу украшенный серебром кавказский клинок с выгравированной на лезвии надписью «За ловкость и умение владеть. Казаку Великопетровской станицы Д. Самтанову. Атаман 2 отдела. 26.04.1899 г. Верхнеуральск». Неоднократно отличались в ходе станичных состязаний казаки поселка Федор Сушков, Нигмат Рахмеев, Фейзула Юсупов, которых Наказной атаман войска генерал-майор В.Е. Ершов во время войскового праздника в Оренбурге наградил за продемонстрированную ловкость и мастерство в джигитовке редчайшей по тем временам наградой — серебряными часами с цепочками и брелоками.

Стрелковые соревнования, или, как именовали их казаки — «цельная стрельба», проводились на льду речки. Мишени устанавливались у крутого берега с тем, чтобы пули не давали рикошета в сторону собиравшихся зрителей. Обычно устанавливалось несколько мишеней и казаки из отпущенных им трех патронов должны были поразить «всадника», «солдата» и «яблоко». Стрельба велась из казенных винтовок системы Бердана № 2, выдававшихся из станичного запаса и патронами из поселкового магазина. До введения казнозарядных винтовок казаки обычно стреляли из ружей образца 1860 года, заряжавшихся с дула. Из-за высокой стоимости свинца стрельба в большинстве случаев велась глиняными пулями, что вело к быстрому износу стволов. В 1866 году стрельба глиняными пулями была запрещена, а станичное правление стало отпускать порох и пули из войсковых запасов.

С большой охотой казаки участвовали в джигитовке — каждому было лестно показать свое мастерство и ловкость при большом стечении народа и особенно перед девушками. Джигитовка начиналась с простых упражнений — соскакиванием с коня на ходу, скачек спиной к движению лошади, на ногах, затем следовали «ножницы» и другие более сложные номера. Завершались состязания групповыми гимнастическими упражнениями, выполнявшимися казаками на несшихся галопом лошадях. Двое конных казаков клали себе на плечи перекладину, а третий крутил «солнце», подтягивался или делал «выход силой». Немногим удавался заимствованный у горцев номер — пролезание на полном скаку под брюхом лошади с одновременной рубкой лозы у финиша. Помимо физической силы и ловкости, необходимо было очень точно рассчитывать все манипуляции с тем, чтобы успеть выхватить шашку и срубить лозу на строго определенной высоте. Завершалась конная часть состязаний доставанием с земли на полном ходу платков с завязанными в них монетами. Но, пожалуй, наиболее любимым зрелищем и развлечением казаков

было взятие «снежной крепости», собиравшим наибольшее количество зрителей и участников. Посмотреть на это увлекательное театральное зрелище приезжали жители из других поселков. Собиралось все население от мала до велика. На поселковой площади загодя устраивалась снежная крепость из снега в форме небольшого городка. Участие в его строительстве принимали все жители за несколько дней до начала праздника, проявляя максимум изобретательности для того, чтобы сделать ее как можно более неприступной. Стены крепости возводились в рост-человека, поливались водой, устраивались бойницы и зубчатые башни по углам. Внутри стен устраивалась также из снега круглая в основании башня высотой 5—6 метров с гладкими, политыми водой боками. На верхней площадке устанавливался флаг синего цвета с надписью «Снежная крепость Варненского поселка» и датой ее строительства. Флаг охранял «паша» в чалме и пестром халате. Гарнизон крепости составляли несколько десятков парней и девчат, имевших на вооружении громадные комья снега, снежки, палки, трещотки и свистки.

Для нападения на крепость формировалось 2—3 отряда конных казаков, соперничавших между собой. Их задача заключалась в том, чтобы, ворвавшись в крепость, захватить флаг. Какой партии удастся это сделать, та и признавалась победившей. Если же гарнизон отстаивал флаг, то награда, зачастую в виде конфет, пряников и других сладостей, доставалась ему.

Взять флаг оказывалось весьма сложным предприятием. Наступление на крепость начиналось по команде распорядителя праздника. Конные группы казаков с двух-трех сторон одновременно бросались к стенам крепости, пытаясь любым путем перебраться через них. Им навстречу летели комья снега, снежки, трещали колотушки и велась стрельба из ружей холостыми зарядами. Оглушенные небывалым грохотом и воем, лошади шаркались в стороны, седоки вылетали из седел, сбитые меткими бросками снежных глыб. На площади стоял такой гвалт, что с большим трудом можно было расслышать команды «офицеров». Каждое удачное попадание защитников крепости сопровождалось шутками и хохотом зрителей, советами незадачливым казаком впредь сидеть дома на печи, а не ходить на «войну». После нескольких попыток одной из партий все же удавалось пробиться внутрь городка и начиналась наиболее ответственная часть штурма. Устроители крепости придумывали различные ловушки и препоны — то устраивали замаскированную яму, куда с головой проваливался первый, кто подбегал к башне, либо мазали дегтем часть стены, столов, словом, простор для фантазии и изобретательности ничем не ограничивался. Карабкаясь

вверх по ледяным стенам, казаки срывались с отвесных стен, толкались и мешали друг другу, а «паша» валил им на головы глыбы снега и громко, на всю площадь, комментировал успехи и все происходящее.

В конце концов, кому-то из штурмующих все же удавалось взобраться на вершину башни, «паша» летел вниз головой так, что развевались полы пестрого халата, а удалец, затолкав флаг за пазуху, спрыгивал вниз и под охраной своей партии пробивался к лошадям, а оттуда — к распорядителю праздника. Передав ему флаг, он получал заслуженную награду — шинель, фуражку или ремень в качестве приза. Но случилось и так, что, взяв флаг, партия не доносила его до финиша, по дороге трофеем отбивали другие, навалившись гурьбой, и тогда приз доставался им. Помимо главного приза, который получал самый ловкий казак, все остальные чины команды также награждались подарками, закупленными поселковым правлением.

Обычно рядом с большой крепостью устраивалась и малая, предназначавшаяся для штурма казачатами. После ее взятия праздник заканчивался, происходила церемония награждения отличившихся и атаман поселка, поблагодарив удальцов-казаков за продемонстрированную силу, ловкость и умение, распускал всех по домам. С площади казаки и ученики, принимавшие участие в штурме малой крепости, расходились строем по своим концам с песнями и веселым гвалтом, продолжая гулянье по домам и катаясь на санках по улицам поселка. Вечером на льду речки собиралась вся молодежь, разжигались яркие костры, казаки пели песни и частушки, устраивали различные игры. Многие приходили «под хмельком», но пьяных не было — за появление в общественном месте в нетрезвом виде полагалось довольно суровое наказание. По решению станичных судей за этот проступок могли хорошенько взгреть плетью без каких-либо скидок на возраст или заслуги. Поэтому молодежь предпочитала не испытывать судьбу и строго придерживалась общепринятых правил. Особенно веселилась ребятня — в этот день им разрешалось находиться на улице до 9 часов, тогда как в обычные дни — только до 6 часов. Если же казачата находились на улице дольше, чем положено, то поселковое правление имело право наложить на их родителей взыскание, а им самим снижалась оценка по поведению.

Аналогичные праздники проводились в самой станице Великопетровской, куда из поселка обычно направлялась целая делегация участников и болельщиков. Такой санный поезд и группы верховых, растянувшись на несколько верст (обычно собиралось 3—4 поселка вместе), с песнями и гармошками неслись по

белоснежной равнине к месту сбора. Шумно отпраздновав свою победу или победу соседей, казаки через 2—3 дня возвращались назад по домам.

С большим подъемом отмечался и войсковой праздник Оренбургского казачьего войска — день Св. Георгия Победоносца, покровителя казаков и кавалерии. В его честь ежегодно 23 апреля в станицах и поселках служились молебны и устраивались конные состязания и джигитовка. Особым вниманием окружались казаки, награжденные Георгиевскими крестами и медалями. Начиная с 1862 года, генерал-губернатор А.П. Безак ввел войсковые конные скачки, проходившие в станице Усть-Уйской. На них съезжались казаки со всех отделов и станиц войска. Подготовка к скачкам начиналась не менее чем за полгода до их начала. Казаки, особенно зажиточные, приобретали лошадей лучших пород, но предпочтение комиссия все же отдавала лошадям местной породы, всячески поощряя развитие коневодства в войске. Местная порода была лучше адаптирована к климатическим условиям Южного Урала и более вынослива, нежели красавцы ахалтекинцы и дончаки. Главным призом соревнований обычно был породистый жеребец — заветная мечта каждого казака. Выиграть такой приз было равно что найти клад — плата за пользование жеребцом, покрывавшим кобыл многих юртов, позволяла его хозяину весьма безбедно жить весь год. В качестве 2-го и 3-го приза Войсковой штаб выделял оружие и другие ценные подарки.

В 1893 году группа казаков Великопетровской станицы, принимавшая участие в войсковых скачках, забрала все, кроме первого, призы. Урядник Полтавской станицы Яков Звездин и казак Варненского поселка Мансур Давлетшин были награждены призовыми шашками и кинжалами за отличное владение верховой ездой и ловкостью. На клинках врученного им оружия были сделаны соответствующие надписи.

Помимо войсковых праздников, тезоименитств императоров и других официальных дат, казаки поселка отмечали и полковые праздники, в ходе которых также устраивались военно-спортивные состязания и гуляния. В частности, жители поселка, преимущественно служившие во 2-м и 5-м казачьих полках, отмечали полковые праздники 30 августа и 9 мая.

Традиции войскового сословия закреплялись не только в быту и праздниках, но и в названиях населенных пунктов Оренбургского казачьего войска. Называя новые поселения именами прославленных людей или в честь памятных дат, администрация края и высшее военное руководство стремились прививать казакам лучшие воинские традиции и постоянно поддерживать патри-

отические чувства, всегда отличавшие российскую армию от других. Если посмотреть на названия казачьих поселков и станций под этим углом зрения, то видно — подавляющее большинство населенных пунктов Оренбургского казачьего войска получило их в ознаменование побед русской армии в войнах XVIII—XIX веков. Таким являются Бородиновский поселок, названный в память Бородиновского сражения под Москвой (7 сентября 1812 года); Лейпцигский, увековечивший участие казаков 3-го Оренбургского казачьего полка в «битве народов» у немецкого города Лейпциг (6—19 октября 1823 года); Тарутинский (сражение русской и французской армий у деревни Тарутино, 18 октября 1812 года); Полтавский, названный в честь первой победы регулярной русской армии в войне со Швецией; Кулевчинский, закрепивший память о разгроме 30 мая 1829 года турецкой армии под крепостью Кулевча, и другие. В том числе и бывший номерной поселок, а позднее Варненский, получил свое название в память о взятии турецкой крепости Варна в войне 1828—1829 годов. Многие высшие воинские чины Оренбургской губернии и казачьего войска в эту войну принимали активное участие во многих сражениях, а когда встал вопрос, какие названия давать новым поселениям, то они однозначно высказались в пользу ныне существующих, отдавая дань памяти погибшим русским солдатам и офицерам. В частности, взятием крепости Варна в период русско-турецкой войны 1828—1829 годов руководил будущий Оренбургский военный губернатор граф П.П. Сухтелен. Командуя небольшим отрядом, состоявшим из 4-х батальонов пехоты, 12-и эскадронов бугских улан, сотни казаков, имея всего 12 орудий, он сумел разбить противостоявший ему отряд турецких янычар и заставил гарнизон хорошо укрепленной крепости сдаться на милость победителя.⁵ Это событие произошло 28—29 сентября 1828 года. В боях под турецкой (ныне территория Болгарии) Варной неоднократно отличались казаки 9-го Оренбургского казачьего полка, которым командовал есаул И.В. Падуров. Многие чины этого полка получили знаки воинской доблести — ордена и медали, а полк — особое наградное звание. Перед началом первой мировой войны 9-й полк получил почетное наименование Оренбургский казачий атамана Подурова полк. Имя генерала Подурова носил и один из поселков 3-го военного отдела войска.

Помимо присвоения поселкам названий в память побед, в Оренбургском казачьем войске существовала и другая традиция — многие поселения назывались фамилиями высших чиновников Оренбургского края и войска, оставивших о себе наиболее

глубокую память у жителей. Так, основанный в 1857 году на речке Караталы-Аят казачий отряд получил название в честь много сделавшего для облегчения положения казаков генерала А.А. Катенина — Катенинский. 11 мая 1862 года в составе Великопетровского станичного юрта появился еще один населенный пункт — отряд Толстой, названный в честь Наказного Атамана генерал-майора графа И.А. Толстого. Позднее был основан и Маслаковецкий поселок, названный так в память Оренбургского губернатора и Наказного атамана войска генерал-лейтенанта Генерального штаба Н.А. Маслаковца, служившего в крае с 1884 по 1891 год. Всего в войске таких поселков и станиц было более 15. Правда, сегодня большинство названий этих поселков не персонифицируется с реальными личностями, в чью честь они в свое время были названы. Так, к примеру, некто В. Похлебкин, опубликовавший в середине 70-х годов статью «Военная история России на карте одной из области», пытаюсь, в частности, проследить происхождение названия Толстинского поселка (правильнее было бы называть Толстовского), всерьез утверждал, что он был назван в память сражения между французской и австрийской (!) армиями, состоявшегося 3 мая 1825 года в Италии. «Поселок, называвшийся вначале Толентино,— писал В. Похлебкин,— впоследствии стал Толентинским, а ныне превратился в Толстинский».⁶ Научообразно, но, к сожалению, далеко от истины.

К области казачьих традиций относились и выборы лиц по общественному управлению общинами. По положению 1891 года органами местного управления являлись станичные и поселковые правления в составе атамана, его помощника, казначея и 2—4-х доверенных от казаков, станичный суд, а также Сбор (собрание выборных от населения лиц). В поселениях, где имелось менее 30 дворов, в Сборе участвовали все казаки-домохозяева, а в поселках с числом хозяйств от 30 до 300 в состав Сбора сроком на один год избирались по одному выборному от каждых 10 дворов. Поселковый Сбор решал все дела, связанные с наиболее важными вопросами общественной жизни, в том числе контролировал должностных лиц, определял размер их жалования, выдвигал кандидатов на должности атамана, казначея и помощника атамана.

В хуторах, если они насчитывали менее 60 дворов, самостоятельного управления не создавалось и они входили в состав близлежащего или от которого они в свое время отпочковались поселка. Так, к примеру, 1-й, 2-й Кочуровские и Усмановские хутора считались частью Варненского поселка и избирали в состав его правления и на поселковый Сбор доверенных лиц по той же норме, что и остальные казаки.

К категории выборных относились и своеобразные общественные должности огневщика (пожарного смотрителя — прим. ред.), хожалого (рассыльного при поселковом правлении), квартальных. Первоначально все они замещались казаками, переведенными во внутреннюю службу, и не оплачивались из поселковых сумм. Впоследствии, с упразднением срока внутренней службы, обязанности выборных стали исполнять отставные казаки или находившиеся на льготе 3-й очереди урядники за чисто символическую плату. Кандидатуры на замещение этих должностей выдвигались самими жителями и утверждались поселковым Сбором.

Особенно большой вес в поселке имели квартальные, выбиравшиеся из числа наиболее авторитетных домохозяев, преимущественно урядников и вахмистров. В обязанности квартальных входил контроль за чистотой на улицах (в квартирах) и в усадьбах, оповещение жителей подведомственной им части поселка о времени станичных и поселковых Сборов и выносимых на них вопросах, сбор платежей, наблюдение за времяпрепровождением казачат и их поведением в общественных местах и на улице. За невыполнение указаний квартального поселковое правление имело право налагать на домохозяев денежные штрафы в размере до 5 рублей или применять иные меры воздействия. Институт квартальных оказался настолько важным и необходимым, что в Варненском поселке он просуществовал до начала 60-х годов, намного пережив саму казачью станицу.

По выборам замещались и поселковые табунщики, смотревшие за принадлежавшим жителям Варны скотом и конскими табунами, в которых содержались под специальным присмотром строевые лошади, станичные судьи и почетные судьи.

У жителей Варненского поселка, как и в других станицах Оренбургского войска, широкое хождение имели разного рода легенды, предания и поверия, в достоверность которых верили все без исключения жители войскового сословия. Это были поверия о закопанных кладах, открывающих свое местонахождение во время цветения папоротника, о силе заговоренной земли, которую казаки носили в особой лядунке на груди, предания о заколдованном коне, появляющемся перед казаками и спасавшим их в самые тяжелые минуты, когда гибель казалась уже неминуемой. Немало легенд и поверий существовало и вокруг находившегося у поселка памятника средневековой архитектуры — мавзолея Кесене.

Среди тюркоязычного населения прилегающих районов бытовало поверие о том, что раз в году, в период весеннего полнолуния больные, принесшие особое подношение и сотворившие мо-

литву в одиночестве у мавзолея, излечивались от многих тяжелых недугов — проказы, порчи, бесплодия. Поэтому с момента заселения поселка казаки татары взяли мавзолей под свое особое покровительство, тщательно следили за его сохранностью и первое время изредка служили в нем намазы. Но в отличие от кочевавших по степи казахов родов и башкир, считавших за особую честь хоронить в его пределах своих покойников, жители Варненского поселка устроили свое отдельное кладбище невдалеке от поселения.

Несмотря на превратности времени и сложность пройденного пути, варненцы сумели сохранить все самое лучшее, что было свойственно казачеству — интернационализм на деле, а не на лозунгах, горячую любовь к своей Родине — небольшой уральской Варне. Ярко эти чувства выразили С. Гусельников и Р. Юсупов в «Песне о Варне», в которой есть такие слова:

И я никогда не сменяю
На пальмы и шумный прибой
Сторонку родимого края,
Урала простор голубой.

4. МАВЗОЛЕЙ В СТЕПИ

Сквозь сетку
Серого тумана
Среди уральских ковылей
Чернеет
Башня Тамерлана
Безмолвный памятник полей.
Когда-то здесь промчались орды
Под гром копыт
И шелест стрел.
Их предводитель
Варвар гордый
Построить башню повелел.
Чтобы себя увековечить
В холодной груди кирпичей
Немало жизней человеческих
Сгубил
Палач из палачей...

Так писал поэт Дмитрий Смагин об одном из уникальных памятников архитектуры Южного Урала, находящемся невдалеке от бывшей казачьей станицы Варненской. Заканчивая стихотворение, он восклицал:

И башня — спутница преданья
Ветрам открытая стоит
Как символ назиданья
Завосвателям иным!

Необычное для южноуральских степей сооружение — мавзолей Кесене и история его происхождения волновали не одно поколение уральцев, в том числе и варненцев. Жители поселка с детских лет слышали красивую легенду о дочери грозного восточного владыки Тимура — Тамерлана и ее трагической любви к простому воину Менгирию. В различных вариантах этой легенды по-разному раскрывалась суть произошедшей на берегу степного озера трагедии. По одному варианту, дочь Тамерлана, сбежавшая от своего отца с простым воином из его отряда, была разорвана дикими зверями (тигром, вепрем), по другим — покончила с собой, увидев гибель своего возлюбленного, схваченного посланной по их следам погоней и убитого по приказу отца. На месте гибели единственной дочери хан, как это утверждается в легенде, приказал выстроить величественный памятник — «Башню Тамерлана», где и была погребена Кесене. По легенде кирпич изготавливался в районе города Троицка и передавался по цепочке воинами до места строительства мавзолея.

Однако достоверность легенды в 60—80-е годы нынешнего века была подвергнута серьезному сомнению, и исследователям удалось убедительно доказать ее несоответствие подлинным причинам возведения этого необычного для степи сооружения. Еще в 60-е годы известный археолог К.В. Сальников показал, что отрядов Тамерлана в этих местах никогда не было. Преследуя своего соперника — хана Тохтамыша, он прошел со своими войсками намного южнее описываемой местности. Но еще больше сомнения в достоверности по-восточному цветистая легенда вызывает при ее более детальном анализе и сопоставлении событий с реальной историей южноуральского края.

Первое зафиксированное известие о существовании этого памятника содержалось в классической работе южноуральского историка, первого члена-корреспондента Российской Академии Наук П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», написанной им в 1762 году. Описывая сооружение из обожженного кирпича, находившееся в районе Троицкой крепости, П.И. Рычков отмечал, что «такая же палата и в Киргиз-Кайсацкой степи находится, около вершины речки Тогузак, от Троицка верстах в 50. О ней объявляют, что она только без верху, а впрочем никакого повреждения не имеет».¹ Дотошный исследователь, Рычков обычно не ограничивался констатацией фактов, а стремился дать объяснение-сообщаемым им сведениям, скрупулезно раз-

бирая происхождение топонимов и приводимых на страницах своих исследований легенд. В интересующем же нас случае П.И. Рычков не только не упоминал о существовании легенды о Тамерлане и его дочери, но и впервые выдвинул подхваченную впоследствии его преемниками версию о существовании на Южном Урале неизвестной науке цивилизации. Существование в степи однотипных кирпичных сооружений (по нашим подсчетам, таких или подобных мавзолею Кесене памятников на Южном Урале было более десятка — В.К.) он объяснял результатами хозяйственной деятельности этого «неизвестного народа, впоследствии ушедшего в Китай». Сама же, по терминологии Рычкова, «палата» была возведена над могилой «святого царя» этого народа.

По рекомендации Рычкова, в 1768 году этот район посетил руководитель одной из «физических» экспедиций, побывавших на Южном Урале по заданию Российской Академии Наук — академик П.С. Паллас, специально приглашенный для этой цели из Германии. Именно Паллас впервые дал полное и весьма подробное описание мавзолея, названного им «Кошена», и оставил его рисунок, по которым он впоследствии и был восстановлен.

«Сей упоминаемый молитвенный дом имеет свое положение почти посередине между Тогузаком и далее к югу в Тобол впадающем Каятом: он еще в хорошем состоянии и смотря по деревянной оного работе, кажется быть не весьма великой древности, но за всем тем ни башкирцы, ни киргизы не помнят времени его сооружения», — так писал П. С. Паллас в опубликованной по окончании экспедиции книге «Путешествия по разным провинциям Российской империи в 1768—1769 годах». По обоим сторонам описанных выше врат, — отмечал академик, — лежало несколько березовых шестов, обвешанных волосами из конских грив и хвостов и лоскутьев бумажных и полшелковых материй; да и вообще у киргизов вошло в обычай в таковых молитвенных домах или других обожаемых и поклонения ради посещаемых местах оставлять что-либо из своего добра.²

Паллас, собственно, как и Рычков, не приводит широко ныне известную легенду по одной, весьма простой причине — ее в то время не существовало.

Привлекал внимание исследователей истории и фольклора края мавзолей и в дальнейшем. Сто лет спустя после первого упоминания о нем мавзолей посетил известный собиратель легенд и преданий, этнограф и историк Р.Г. Игнатьев. «В Троицком уезде, — писал исследователь, — на бывшей некогда киргизской, а теперь казачьей земле, близ отряда Варна и станицы Великопетровской, сохранилось кирпичное здание, известное под именем

«Кисене» или «Кирка»... Киргизы — кочевники и язычники почитают Кисене храмом неизвестной веры и мавзолеем над прахом святого царя неизвестного народа, когда-то тут жившего и ушедшего в Китай. Каждый киргиз не пройдет мимо, не совершив моления и не оставив, как бы в виде жертвоприношения лоскутка ситца, полотна и проч». ³ «Русские, — сообщал далее Р.Г. Игнатъев, — живущие близ Кисене оренбургские казаки, впрочем поселенные сюда только лет около 30 назад, ничего не знают о Кисене или «Кирка», как они его называют, кроме того, что слышали от киргиз, своих соседей, часто кочующих недалеко от чтимого ими места». В этой статье, опубликованной в газете «Оренбургские губернские ведомости», Р.Г. Игнатъев упоминает и о Тамерлане, по его мнению, ханом был поставлен мавзолеем миссионеру ислама Хаджи-Хусейн Беку, вблизи деревни Нижние Термы в Уфимском уезде Оренбургской губернии. Игнатъев, как и его предшественники, не приводит легенды, хотя за свою жизнь опубликовал большое количество собранных им до того не известных науке легенд, преданий и комментариев к ним.

Примерно те же сведения привел в своем отчете и профессор Санкт-Петербургского Императорского Университета Э.Ю. Петри, посетивший Варну в 1889 году. К этому времени мавзолеем уже был частично поврежден. В «Известия Императорской Археологической комиссии» он писал: «Развалины Кисяня представляют собою четырехугольное с надломленным верхом здание, приблизительно в 8 сажень, с двенадцатигранной пирамидальной башней... По мере заселения края переселенцами кирпичи все более и более расхищаются. Киргизы, а равно как и казаки-татары, живущие в Варненской станице, не касались здания, частью из суеверия, частью в том убеждении, что здесь погребено тело магометанского святого».

Выполняя задание комиссии, Э.Ю. Петри провел раскопки внутри мавзолея. Вот что он впоследствии писал: «По удалении всего мусора из внутреннего помещения обнаружилось, что I
кладовщики работали не только в центре, но и у входных дверей и у обоих окон. По очистке мусора найдена теменная кость человеческого черепа и множество бараньих и лошадиных костей, помеченных красной краской. Кости эти занесены сюда киргизами для отвода от себя болезней: казаки-татары относятся к этой ворожке безразлично и никогда не принимают в том участие. Во время раскопок у северной стены на глубине 2 аршина встретились лубок и доски, до некоторой степени обрисовавшие человеческую фигуру. В лубке, покрывавшем череп, сделано было два отверстия для глаз и одно для рта. По удалении этого покрова обнаружен был женский скелет длиной 2 аршина 6 вершков.

Вокруг шеи скелета обмотана была шелковая ткань, отдельные куски которой еще сохранились. При черепе найдены две золотые серьги с двумя жемчужинами и одним яхонтом на каждой. Подобные серьги, по сообщению местных жителей, до сих пор весьма ценятся у калмыков. На ручных пальцах трупа оказалось два золотых перстня, гнезда которых украшены золотым арабеском (резной растительный узор — В.К.) и небольшими зеленовато-голубыми камнями, похожими на бирюзу. Череп монгольского склада, не особенно типичный.

При дальнейших раскопках в различных местах обнаружен был, помимо нескольких березовых кольев, у западного окна в месте, уже подвергавшемся раскопкам, целый череп более характерного монгольского типа. Ближе к центру найдены остатки третьего черепа, тут же обломок небольшой деревянной палицы, окрашенной в малиновый цвет. По показаниям туземцев, подобные палицы употребляются ими и поныне при охоте на волков⁴. Все обнаруженные при вскрытии мавзолея находки Э.Ю. Петри передан в Императорский Российский Археологический музей.

Как видно из подробного отчета профессора Петри, ему также не была известна легенда о Тамерлане и его дочери. Впрочем, и другой археолог и собиратель старины — вице-президент Оренбургской Ученой Архивной комиссии И.А. Кастанье, написавший объемистый труд «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», ни словом не упоминал о интересующей нас легенде⁵.

Как удалось установить, легенда о Тамерлане появилась только на рубеже XIX—XX веков, после публикации в периодической печати и в специальных этнографических сборниках казахского эпоса легенды о Козу-Керпече и Баянь¹Слу. В этой легенде речь шла о любви между бедным пастухом Козу и красавице Баянь. Узнав о грозящей им разлуке, родственники девушки решили выдать ее замуж за богатого бая — возлюбленные бежали в степь. Погоне удалось их настигнуть, и пастух был убит джигитами. Красавицу Баянь силой заставили дать согласие на свадьбу с нелюбимым старым баем, но она выдвинула одно условие — свадьба должна состояться только после того, как над могилой Козу будет поставлен памятник — мавзолей. Бай согласился и для его строительства было собрано большое количество рабочих. От Аягуза до Аганактинских гор (около 150 км — В.К.) была выстроена цепочка людей, которые передавали необходимый для строительства памятника камень. После того, как мавзолей возвели и тело Козу было помещено в яму, Баянь опустилась в склеп и ударом кинжала покончила с собой... С момента публикации

эта легенда и памятник под названием «Денгек» стали широко известны не только в среде кочевников — казахов, но и других народов.

На наш взгляд, именно эта легенда и легла в основу интересующего нас предания. Об этом говорит и однотипный сюжет, как две капли воды повторяющий все перипетии событий и многое другое. Легенда о Козу-Керпече и Баянь-Слу постепенно трансформировалась в легенду о Кесене и Менгирее и в таком виде ее впервые в 20-е годы нашего века записал В.П. Бирюков, а впоследствии ее широко использовали журналисты⁶.

Большой интерес представляет происхождение антропонимов Кесене, Менгирей, Кирка. Антропоним «Кесене» у разных авторов встречается в различных транскрипциях — Кесене, Кисене, Кисень, Кошена и представляет собой неправильное произношение и написание башкирского (тюркского) «кэшэнэ», обозначающего место погребения и погребальные сооружения. Аналогичное значение имеет и слово Менгирей (менгиры — погребальные камни, вкопанные вертикально в землю; о таком скопище менгиров, находившихся в районе казачьего поселка Владимирского (около 40 км от местонахождения мавзолея Кесене в свое время писал и К.В. Сальников — В.К.). Таким образом, видно, что ни Кесене, ни Менгирей не могут быть именами собственными. Интерес представляет и происхождение антропонима «Кирка». В некоторых вариантах легенды о Тамерлане так и утверждается — имя дочери Тамерлана — Кирка. Но оно также не может быть именем несуществовавшей девушки по той причине, что оно является трансформацией слова «Кирхе» — от немецкого церковь, молитвенный дом. Именно так называл его осматривавший в 1768 году немец П.С. Паллас и это название запомнили сопровождавшие его в поездке по степи оренбургские казаки, а затем употребляли в обиходе, очевидно, не понимая его подлинного смысла (рукопись книги была подготовлена Палласом на немецком языке — прим. ред.) Имя же Тамерлана появилось в этой легенде по аналогии с другими преданиями, в которых речь шла о различных грандиозных сооружениях и труднообъяснимых явлениях. В частности, среди кочевников была в свое время широко распространена легенда о рве Тамерлана. Суть ее такова. У Тимура был любимый сын, и он однажды не вернулся с охоты — по пути он встретился со стадом диких куланов, лошадь понесла, мальчик погиб, а конь вместе со стадом носился по степи. Разгневанный хан приказал рабам выкопать в степи огромный ров, пообещав за это поженить и отпустить на свободу всех принимавших участие в его сооружении юношей и девушек. Когда приказание было выполнено, нукеры погнались ко рву кула-

нов. В числе тысяч диких лошадей, попавших в ров, оказался и конь с останками его сына... Имя могущественного властителя и военачальника, его дела и поступки, окруженные ореолом славы, послужили основой для возникновения не одного десятка легенд и преданий, ходивших среди тюркоязычного населения Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, подводя итоги краткого экскурса в историю изучения величественного памятника, следует отметить: несмотря на то, что он не имеет никакого отношения к Тамерлану, это ничуть не уменьшает его исторической и культурной значимости как памятника культовой архитектуры рубежа XIV—XV веков. Удаленный от центров оседлой цивилизации Средней Азии с ее устойчивыми архитектурными традициями, мавзолей Кесене как редкая и оттого еще более драгоценная жемчужина поражает и радует глаз необычной архитектурой и геометрической строгостью линий портала, барабана и шатрового завершения. Находящийся на естественной возвышенности между двумя ныне высохшими озерами — Большое и Малое Кесене, мавзолей виден издалека, величественно и в то же время гармонично вписываясь в окружающий пейзаж.

В конце 60-х годов разрушенный до неузнаваемости памятник был взят под охрану государством. Усилиями районных властей и ученых Челябинска мавзолей был восстановлен в первоизданном виде. В течение ряда лет на месте древнего некрополя у озера Большое Кесене работал комплексный отряд археологов и реставраторов, усилиями которых и была дана вторая жизнь уникальному памятнику, известность которого давно перешагнула пределы Урала.

5. НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

С момента своего возникновения Оренбургское казачье войско несло сторожевую службу в гарнизонах крепостей и укреплений Оренбургской оборонительной линии на границе с Киргиз-Кайсацкой степью. Ежегодно от всех кантонов, а позднее, полковых округов, на пограничную линию назначались специальные отряды и команды казаков, главной задачей которых была охрана пространства между крепостями, контроль за безопасностью передвижений в прилинейной полосе, преследование со-

вершавших набеги отрядов кочевников, «окарауливание» скота. С начала XIX века полки Оренбургского казачьего войска стали назначаться на внешнюю, т.е. за пределы войсковой территории, службу. Четыре казачьих полка, сформированные в Оренбурге и Челябинске, принимали участие в русско-турецкой и Отечественной войне 1812 и заграничных походах 1813—1815 годов, а после разгрома наполеоновских войск — охраняли границы империи в Варшавском герцогстве и Бессарабии. Все большее число частей казачье войско стало выставляться за пределы своей территории с 1840 года.

Несли такую службу и казаки — жители Варненского поселка. По истечении срока двухгодичной льготы, предоставленной переселенцам для хозяйственного обоснования на новом месте, казаки по специально составленным спискам ежегодно назначались по нарядам Войскового Дежурства в полки и отдельные части. Начиная с января 1846 года, варненцы принимали участие практически во всех военных экспедициях и кампаниях XIX века.

Первая группа казаков Великопетровского станичного юрта численностью 83 человека была сформирована и отправлена из станицы в апреле 1846 года. Эта команда в составе Сводного отряда назначалась для смены личного состава, находившегося в Нижнем Новгороде 4-го Оренбургского казачьего полка. Одновременно с ними из станицы было командировано 18 человек в Сводный казачий полк отдельного Оренбургского корпуса в Москву¹ и 12 казаков из Варненского поселка — на усиление летней кордонной стражи на Новую линию — в Николаевское и Константиновское укрепления.

Служба в укреплениях и пикетах Новой линии была для казаков менее обременительной, чем длительные командировки за пределы войсковой территории — в Москву, Нижний Новгород, Казань или Пермь. Назначенные для службы в полках казаки обязаны были следовать к местам расквартирования частей на собственных лошадях, совершая ежедневно 30—50-верстные переходы и преодолевая от 600 до 2 тыс. верст. Срок службы в полках, находившихся во внутренних губерниях империи, колебался от одного до четырех и более лет. К примеру, направленный в 1842 году на пополнение оренбургских сотен Сводного казачьего полка отряд был сменен по личному указанию Оренбургского губернатора только в 1847 году. В Перми казаки двухсотенного отряда обычно находились по два года, а сотни при султанах-правителях Восточной и Западной частей Малой Орды — от 6 месяцев до одного года.

Казаки, назначенные в кордонную стражу в укрепления и пикеты Новой линии, несли службу, попеременно сменяясь каждые полгода (с 16 мая по 16 ноября — летняя, с 16 ноября по 16

мая — зимняя смена). Если расстояние от станции до места расположения полка или отряда не превышало 100 верст, то, по существовавшим правилам, казаки во время пути довольствовались за свой счет, а все остальное время от казны. Денежное довольствие, выплачивавшееся казакам в середине XIX века во время их нахождения на полевой службе, было мизерным, ничтожными были денежные награды, изредка выдававшиеся нижним чинам казачьих отрядов. Так, к примеру, по итогам императорского смотра находившегося в Москве Сводного казачьего полка Николай I за его образцовое состояние и отличную службу «Высочайше повелел» выдать казакам трех оренбургских сотен по 25 копеек серебром каждому. В числе получивших «Высочайшую награду» упоминаются и казаки Варненского поселка Великопетровской станицы приказной Якупов, урядник Осинцов и казак Тяканов². Командир же оренбургской части полка подполковник Деришев получил орден Св. Анны 2-го, а сотенные командиры — Св. Анны 3-го класса. Сверх того все офицеры получили единовременную прибавку к жалованью в размере годовых окладов.

Сохранились и некоторые другие приказы, по которым можно проследить, как несли службу казаки поселка. В частности, «Высочайшую благодарность» и разного рода поощрения за участие в Венгерском походе 1849 года были удостоены 8 казаков поселка, в том числе и урядники В. Федоров и М. Галеев. 10-й Сводный казачий полк, в составе которого они совершили поход, был сформирован по Манифесту Николая I и выступил в действующую армию 8 июля 1849 года. Вернулись казаки на льготу в феврале 1850 года (полк участия в боевых действиях не принимал — прим. ред.).

Наряду с полевой службой за пределами войсковой территории казаки Варненского поселка несли кордонную службу в укреплениях Новой пограничной линии в пикетах 3, 4 и 5-й дистанций. Отношения с частью родов Младшего и Среднего Жузов до начала 50-х годов складывались крайне напряженно. Кенисары Касимов и еще ряд представителей родо-племенной знати, отказавшиеся подчиняться султанам — правителям Младшего Жуза, собрав по степи отряды степняков, с начала 40-х годов регулярно совершали набеги на линейные укрепления, угоняли скот, захватывали и продавали в Хиву и Коканд жителей и казаков, уничтожали посевы и заготовленные на зиму корма.

Первые годы для казаков Новолинейного района основной службой являлась кордонная. Помимо того, что они охраняли границу, казаки одновременно оберегали собственные дома и имущество от покушений воинственных кочевников Кир-

гиз-Кайсацкой степи. Население 4,5 и 6-го полковых округов дополнительно формировало и содержало 2 Сводных полка кордонной стражи, для усиления которых Войсковое Дежурство привлекало казаков старых станиц по особым нарядам. Набеги кочевников на поселения Новой пограничной линии носили систематический характер. То на одном, то на другом ее фланге в небо поднимались столбы дыма — это казаки, находившиеся в пикетах и маяках, подавали условный сигнал, предупреждавший о вторжении очередного вооруженного отряда. Увидев его, казачьи дозоры немедленно стягивались к условленному месту и под командой офицеров бросались на преследование грабителей.

Столкновения между казаками и кочевниками нередко перерастали в жаркие схватки, особенно когда численность последних превышала количество преследователей. Пользуясь численным преимуществом, они нередко нападали даже на хорошо укрепленные станицы и крупные отряды кордонной стражи. Так, в августе 1844 года нападению двухтысячного отряда Кенисары Касимова подверглась станица Елизаветинская. Бой за нее длился более 4 часов.

Несмотря на то, что к моменту нападения на поселение в нем находилось всего 28 вооруженных казаков, степнякам удалось захватить и сжечь только Форштадт (предместье — В.К.) Однако и защитники станицы понесли немалые потери — 7 человек погибли, а 28 жителей были захвачены и угнаны в степь. После налета 95 семей остались без крова, нападавшие угнали 131 лошадь* 227 коров, 158 рабочих волов и 1680 овец, принадлежавших казакам Елизаветинской станицы. В сентябре кочевники вновь совершили попытку нападения на Елизаветинскую станицу. Получив отпор, они подожгли степь и в огне погибло большое количество сена и хлеба, собранного в снопы. Во время второго набега они угнали еще 114 голов лошадей, пасшихся в табуне у поселения.

После этого случая военные власти губернии ужесточили требования к охране границы. Гарнизоны укреплений были усилены за счет казаков внутренних станиц и строевыми частями, а в Михайловке и Константиновском укреплении Войсковое Дежурство дополнительно разместило подвижные резервы в количестве трех сотен казаков и команды конно-артиллерийской казачьей бригады. С этой же целью в ряд станиц и поселков из гарнизонов Орской и Троицкой крепостей было передано 14 артиллерийских орудий с необходимым количеством зарядов и прислугой. В числе их в 1844 году два орудия — одно из Троицка, другое из Верхнеуральского цейхгауза были переданы в Варненский посе-

лок. Все поселения Новолинейного района были обнесены вром и земляным валом с бойницами, а в ночное время для охраны станичным начальником строго предписывалось выставлять усиленные наряды из расчета один караульный на каждые десять дворов.

Переданные в поселки орудия были устаревшей конструкции и находились на линии с середины XVIII века, тем не менее свою роль они выполнили. В середине лета 1845 года, когда прорвавшиеся через пограничные кордоны кочевники попытались захватить поселок, по указанию поселкового начальника хорунжего Абдулвагапа Кочурова орудия были опробованы на деле. Предупрежденные о продвижении врага условным сигналом с маяка, варненцы заняли круговую оборону, встретив их плотным ружейным огнем. Несколько выстрелов из пушек картечью довершили разгром — нападавшие спешно ретировались, прихватив с собой находившихся в отгоне лошадей и другой скот жителей Варны. В дальнейшем орудия хранились в превращенном в цейхгауз сарае и после проведенной в 1853 году проверки они были признаны непригодными для боевого применения. Хранившийся в складе порох от влаги и времени разложился и был не годен для стрельбы, орудия оказались покрытыми коррозией до такой степени, что нельзя было разобрать даже заводских клейм. Пришли в негодность и деревянные лафеты. По приказу начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса генерала Прибыткова одно орудие из Варны было сдано в Троицкий арсенал «как ненаходящее себе достойного применения», а другое хранилось в поселке до начала гражданской войны и использовалось во время проведения поселковых праздников.

Кроме несения службы в линейных кордонах, казаки поселка участвовали в многочисленных экспедициях в степь, охраняли обозы купцов и перегонявшийся на скотопригонные пункты крупнорогатый скот и овец, сопровождали линейную почту. В 1845—1849 годах варненцы в составе отрядов полковника Геке, войскового старшины Лебедева и полковника Дуниковского неоднократно выступали в погоню за отрядами Кенисары Касимова, Исета Кутебарова и его брата Тайшета, сопровождали русское посольство в Бухару. Входили они и в сводный отряд из оренбургских и уральских казаков, прикрывавший проведение фортификационных работ и строительство новых укреплений — Уральского, Оренбургского и Раимского. По основании новых фортов казаки Оренбургского войска стали нести в них гарнизонную службу целыми частями, сменяясь между собой каждые полгода. Выдвинутые далеко в степь, они стали передовыми форпостами, опираясь на которые правительство России посред-

ством казаков постепенно продвигалось к границам среднеазиатских эмиратов.

Находившиеся в укреплениях казачьи сотни принимали участие в преследовании отрядов кочевников, нападавших на укрепления Оренбургской пограничной линии, отбивая захваченную ими во время налетов добычу и пленников; обеспечивали казачьи отряды и охрану торговых караванов, постоянно угрожая своим присутствием антирусски настроенной феодальной знати Хивы, Бухары и Коканда. Особенно «урожайными» на боевые столкновения с хивинцами и кокандцами были 1853 и 1854 годы. После взятия оренбургскими казаками Кокандской крепости Ак-Мечеть хан попытался взять реванш за поражение и напал на гарнизон Оренбургского укрепления³. Однако и здесь он потерпел неудачу — нападение было успешно отбито с большими для кокандского отряда потерями. Как отмечал в донесении Оренбургскому генерал-губернатору начальник укрепления майор Максимов, в самый ответственный момент боя есаулы 6-го казачьего полка Кочуров и 8-го полка Бухарин с двумя полусотнями казаков зашли в тыл и внезапной атакой заставили бежать неприятеля от стен укрепления. Приказом Наказного Атамана от 24 июля 1854 года есаулам Кочурову и Бухарину «за отлично-усердную службу⁴» была объявлена благодарность с извещением о том по войску⁴.

Принимали участие казаки поселка и в известном походе генерала В.А. Перовского под Ак-Мечетью. В составе сводного отряда из уральских и оренбургских казаков, которым непосредственно командовал Наказной Атаман генерал-майор И.В. Падуров, они штурмовали кокандскую крепость Джулек, громили отряды Исета Кутебарова и Суюнкары Муруна. Имея при себе всего 6 тыс. человек (2 тыс. пехоты и 4 тыс. казаков и башкир), Перовский в короткий срок сумел взять считавшуюся неприступной крепость, гарнизон которой составлял 20 тыс. солдат и офицеров. После взятия Ак-Мечети экспедиционный отряд принимал участие в строительстве укреплений по Сыр-Дарье и ее притокам. По итогам похода большая группа казаков получила высокие награды. В числе отличившихся и награжденных Знаком военного ордена был назначенный после завершения экспедиции младшим писарем Варненского поселкового правления казак Николай Готовцев.

В разгар борьбы за степь, когда казачьи отряды подошли почти к самым границам Хивинского ханства, началась русско-турецкая война, превратившаяся вскоре из двустороннего конфликта в европейский. Военные действия с отсталой в военно-экономическом отношении Турцией протекали довольно ус-

пешно, и правительство планировало завершить ее без привлечения основных сил, развернутых в европейской части империи. Но после включения в войну Англии и Франции обстановка на Дунайском, Кавказском и Крымском участках резко изменилась. Русские войска стали терпеть одно поражение за другим. В связи с этим император Николай I был вынужден принять решение о переброске войск из внутренних округов в Крым и Бессарабию. В числе получивших разнарядку на высылку дополнительных войск был и отдельный Оренбургский корпус. Первоначально планировалось направить в действующую армию по два полка из состава Уральского и Оренбургского казачьих войск. Однако генерал-адъютант В.А. Перовский сумел убедить императора в том, что башкирские полки по своим боевым качествам нисколько не уступают казачьим, потому вместо них в губернии начали формирование четырех конных полков из башкир, однако все офицерские должности в них замещались офицерами регулярной кавалерии.

Осенью 1854 года по настоянию военного министра было принято решение, не дожидаясь завершения формирования башкирских частей, выставить в армию два сводных оренбургских казачьих полка — 1-й и 2-й. В ноябре 1854 года в станице Кундравинской был сформирован 2-й Оренбургский казачий полк из очередных казаков, в состав которого вошли и 26 человек из Великопетровской станицы (из пяти поселков юрта). Маршрут следования полков был намечен через Москву, где в них влилось еще 136 казаков из сводного отдельного корпуса, после чего они походной колонной выступили к г. Новгород-Волынскому. В мае 1855 года оба полка были подчинены командующему Западной армией генерал-адъютанту С.П. Сумарокову. Вскоре 2-й полк был переподчинен командующему гвардейскими и гренадерскими корпусами генералу Редигеру и в составе особого отряда направлен в Прибалтику, где ожидалась высадка с кораблей английского десанта. Но к этому времени военные действия были прекращены, а казаки полка принимали участие в обеспечении безопасности проходившей в Москве коронации Александра II. Личный состав 2-го Оренбургского казачьего полка, награжденный медалями, вернулся домой в феврале 1857 года.

Восточный вопрос во внешней политике России на протяжении XIX века был одним из наиболее болезненных и актуальных. До начала 60-х годов правительство пыталось решать многочисленные противоречия дипломатическим путем. Однако из-за явного противодействия Англии, претендовавшей на безраздельное влияние на Востоке и опасавшейся конкуренции со стороны России в этом регионе, разрешение их мирным путем стало

невозможным. Особенно жесткую позицию занял кокандский хан. Поддерживаемый англичанами, он еще более активизировал набеги на входившие в состав империи земли казахских родов, а ориентировавшаяся на него часть степной родо-племенной знати — и на укрепления Оренбургской оборонительной линии. Настроенным на принятие решительных мер в отношении среднеазиатских государств оренбургскому и западносибирскому генерал-губернаторам удалось убедить императора Александра II в необходимости применить военную силу для разрешения сложившихся противоречий. Поэтому с начала 60-х годов полки Оренбургского казачьего войска были заняты исключительно на среднеазиатском театре действий. Исключением является лишь посылка в июне 1863 года 5-го казачьего полка на подавление антирусского восстания в Польше.

В июне 1865 года генералу М.Г. Черняеву удалось практически без потерь взять Ташкент, а в течение осени русские войска овладели Ходжентом, Джизаком, Ура-Тюбе и другими городами. В ответ на объявленный эмиром Бухары газават (священную войну) русские войска начали планомерное наступление на среднеазиатские ханства. К началу 70-х годов значительная часть территории Средней Азии, за исключением Хивинского ханства, была присоединена либо признала зависимость от России. В мае 1873 года начался второй Хивинский поход, активное участие в котором приняли и оренбургские сотни. Оренбургские казаки входили в состав двух войсковых колонн. В первом отряде под командованием Наказного Атамана Уральского казачьего войска генерал-лейтенанта Вревкина находилось 6 сотен казаков и две конно-артиллерийские батареи, а во втором, так называемом «Туркестанском» — семь казачьих сотен и одна батарея. В составе 12-й и 17-й отдельных сотен в походе принимали участие есаул Кочуров, сотник Гордеев, урядники М. Юсупов, Н. Рахмеев, С. Осинцов и 15 казаков из Варненского поселка, призванные на службу 1 января 1871 года⁶.

Преодолев немыслимые трудности, русские войска неожиданно для хивинцев появились у стен столицы ханства. Интересную деталь приводит в своих воспоминаниях генерал-майор И. В. Чернов. «Едва не погибший отряд достиг наконец Аму-Дарьи, где его встретил хивинский хан,— писал он.— На вопрос Кауфмана (командующий отрядом — В.К.), почему хивинцы не выслали войска для защиты себя, хан ответил, что русских ждали с другой стороны, где и были собраны хивинские войска, а по тому пути, по которому пришел отряд, не ожидали, потому что эта дорога непроходима и носит название «смерть человеку». Только дурак, добавил хан, мог дать совет идти этой дорогой

военному отряду. Дурак этот был тут же, в свите Кауфмана — заканчивал Чернов — полковник Генерального Штаба фон Аман»⁷.

После занятия Хивы русские войска разгромили подошедшую туркменскую конницу и окончательно закрепили одержанную победу. За участие в походе многие офицеры и казаки были награждены орденами, однако фамилий варненцев, попавших в этот список, установить не удалось. Известно лишь то, что все чины, принимавшие участие в походе, получили на шапки знак с надписью «За отличие в хивинском походе 1873 года», да в послужном формуляре есаула А. Кочуррва записано: «Высочайше удостоен ордена Св. Анны 3 класса с изображением герба империи за Хивинский поход». За этот же поход его старший сын Шейх-Иль-Ислам получил Св. Станислава 3-й степени, а второй сын Шагимардан участвовал в боях в качестве нижнего чина.

В феврале 1876 года в состав образованного Туркестанского генерал-губернаторства вошло Кокандское ханство, а Хива и Бухара, сохранившие внутреннюю автономию и самоуправление, признали себя вассалами России. С созданием Туркестанского военного округа три Оренбургских казачьих полка — 3, 4 и 5-й, а также 1 и 5-я артиллерийские батареи стали нести службу в Туркестане и находились там до начала первой мировой войны. Примечательно, что 5-й казачий полк составлял личную охрану эмира Бухары, который получил чин генерал-лейтенанта и был причислен к Оренбургскому казачьему войску. С этого времени кордонная служба на Оренбургской военно-пограничной линии потеряла свое прежнее значение. Постоянные казачьи гарнизоны сохранились только в трех бывших крепостях — Оренбурге, Орске и Троицке, где находилось 2,5 сотни из состава 1-го Оренбургского пешего казачьего батальона⁸.

В 1877 году по случаю очередной русско-турецкой войны в войске были сформированы 5-й первоочередной, а также 6, 7, 8, 9, 10 и 11-й второй, 12, 13 и 14-й полки третьей очереди. Однако непосредственное участие в боевых действиях приняли только два полка — 6-й и 7-й, включенные в состав Кавказской армии. Оренбуржцы отличились в ряде сражений, а за бои в районе Орланских высот, а также под крепостями Каре и Эрзерум четыре сотни (1, 2, 5 и 6-я) получили знаки на шапки с надписью «За турецкую войну 1877—1878 гг.», а урядник Варненского поселка Н. Готовцев медаль за взятие Карса и крест. В следующем году три оренбургские сотни участвовали в разгроме текинцев под крепостью Геок-Тепе. На этом участие оренбургских казаков, в том числе и варненцев, в кампаниях XIX века завершилось.

В то время, когда Оренбургское казачество было задействовано в разрешении восточного вопроса, в России была проведена военная реформа, начавшаяся с преобразований в области военного управления и завершившаяся наиболее важной реформой — введением всеобщей воинской повинности. Реформировано было и Оренбургское казачье войско — отменялась прежняя система территориально-полковых округов, вместо которых были образованы три военных отдела во главе с атаманами, совершенствовалась система военного и гражданского управления. В соответствии с новым уставом о воинской повинности казаков общий срок службы для них был определен в 18 лет в призывном, строевом и запасном разрядах. В пункте 423 Устава отмечалось, что «казаки строевого разряда состоят на действительной службе или на льготе».⁹ Действительной называлась служба в полках и батареях, а казаки, распущенные на льготу, находились по домам, но в любое время должны были быть готовыми к выходу на службу по требованию войсковой администрации.

В соответствии с изменившимися условиями казаки, достигшие 16-летнего возраста, записывались в «малолетки» и получали положенный земельный пай по установленным нормам. По достижении 18 лет малолетки зачислялись в призывный разряд и в течение трех лет готовились к предстоящей строевой службе, приводились к присяге. Перед выходом в полки молодые казаки в обязательном порядке проходили месячные лагерные сборы. Учебный лагерь, где обучались казаки Варненского поселка и других поселков 2-го военного отдела, находился на речке Гумбейке, вблизи поселка Фершампенуаз.

Казаки, достигшие 21 года, отправлялись на действительную службу, как правило, целыми командами. Казаки отдела зачислялись не более чем в два полка, благодаря чему в частях собиралось много однопосельщиков. Таким образом, соседские и родственные связи были гарантией того, что в боевой обстановке товарищ всегда выручит товарища в критическую минуту и не бросит в беде. В лице офицеров казаки также имели не только начальника, но и земляка, поэтому их отношения существенно отличались от взаимоотношений между офицерами и нижними чинами в армии. Тем не менее, к панибратству землячество не приводило не только в отношениях между офицерами и казаками, но и даже между урядниками и рядовыми. Требования дисциплины и уставные взаимоотношения тщательно соблюдались, и виновные в их нарушении подвергались довольно суровым наказаниям. В этом отношении весьма любопытен один документ, сохранившийся в Государственном архиве Челябинс-

кой области — приказ по 2-му отделу Оренбургского войска. Не комментируя, приведем его полностью: «Временный военный суд в г. Троицке при рассмотрении 4 февраля 1891 года в судебном заседании дело о казаке 9-го льготного полка Оренбургского казачьего войска Великопетровской станицы Варненского поселка Абдулвагапе Юсупове, признанном в неисполнении приказа начальника из нижних чинов в строю, усмотрел из показаний свидетелей на суде, что урядник того же полка поселка Насибулла Рахмеев, заметив подсудимого Юсупова, стоявшего после команды «смирно» с отставленной ногой, с матерной бранью приказал, ему встать, как надо. Юсупов, обратясь к уряднику, ответил ему бранью и дерзостью. Согласно предписания Наказного Атамана урядник Рахмеев за унижительное обращение с подчиненным подвергнут мною строгому аресту на 20 суток, а казак Юсупов аресту на 30 суток. Наказание это внести в станичный журнал, а виновных с соответствующим запасом провианта отправить в Верхнеуральск в арестный дом. Атаман отдела полковник Лобов. Старший адъютант есаул Чернов».¹⁰

С начала XX века срок действительной службы (первая очередь) был установлен в 4 года, после чего казаки увольнялись на льготу в свои поселки и станицы. Еще 4 года находились на льготе 2-й очереди и после чего переводились в третью. Казаки второй и третьей очередей находились по домам, занимались хозяйством, но были обязаны содержать обмундирование, снаряжение в исправности и строевых коней в полной готовности к выходу на службу по приказу войсковой администрации. С этой целью в каждой станице ежегодно проводились специальные строевые смотры, а на поселковых и станичных атаманов возлагался контроль за содержанием лошадей в отдельных табунах. С 33 до 38 лет казаки считались в запасном разряде, а по истечении срока переводились в войсковое ополчение. Личный состав ополчения призывался на службу только в военное время по особому указу. По достижении 48 лет казаки выходили в отставку, занимались исключительно хозяйством и могли продавать обмундирование и строевых лошадей.

С конца XIX — в начале XX века Оренбургское казачье войско стало выставлять в мирное время 6 конных полков, 3 артиллерийские батареи, отдельный дивизион, 2 отдельные и гвардейскую сотни. В военное время строевой состав увеличивался в несколько раз, и оно выставляло 18 полков, 6 батарей и несколько отдельных казачьих сотен. По штатам мирного времени 1-й казачий полк (6 сотен) постоянно дислоцировался в Харькове, 2-й в Варшаве, 3-й в Волочинске. В Туркестанском военном округе по традиции со времени похода 1873 года раз-

мещались также три полка: 4-й в Керках, 5-й в Ташкенте и 6-й в городе Скобелеве («Туркестанские» полки были четырехсотенного состава). Как правило, варненцы в это время проходили действительную службу во 2-м и 5-м полках, а также в 3-й Оренбургской казачьей батарее. Особому отбору подвергались кандидаты во 2-ю гвардейскую сотню, входившую в состав лейб-гвардии Сводного казачьего полка, а также в личный Его Императорского Величества конвой.

В начале XX века в поселке по спискам числилось 1531 человек служилого сословия, в том числе 5 штаб- и обер-офицеров, 16 урядников и 1391 казак.

В XX веке казаки Варненского поселка принимали участие в двух войнах — русско-японской и первой мировой. С объявлением манифеста о начале войны на дальневосточный театр военных действий из войска была выставлена Оренбургская льготная казачья дивизия в составе двух бригад. В первую бригаду под командованием генерал-майора Толмачева вошли 9-й и 10-й казачьи полки, сформированные из казаков Наслединской, Верхнеуральской, Великопетровской, Михайловской, Уйской и некоторых других станиц 2-го и 3-го военных отделов. Во вторую бригаду вошли 11-й и 12-й полки. Проводы дивизии на фронт состоялись 20 апреля 1904 года. После торжественного обеда и молебна казаки, погрузившись в эшелоны, двинулись на Дальний Восток в распоряжение генерала Куропаткина. Вслед за льготной дивизией на фронт было переброшено еще несколько частей войска и в военных действиях против японцев приняло участие более 160 офицеров и 4700 казаков Оренбургского войска.

В ходе войны казачьи части использовались преимущественно для проведения разведки, боевого охранения и связи и в крупных сражениях не принимали участия.¹¹ После подписания позорного для России Портсмутского мира казачьи части вернулись домой. Личный состав полков, принимавших участие в боевых действиях, был награжден светло-бронзовыми медалями в память русско-японской войны и получил Высочайшую благодарность за самоотверженную службу во благо России. Многие офицеры и казаки за боевые отличия были награждены орденами и знаками военного ордена 3 и 4-й степеней. Среди награжденных были и варненцы — Нурахмед Исаев, Гатаулла Юсупов, Степан Савинов, Исмагил Иштуков, Андрей Осьминин, Матвей Бамбетов, Синегатулла Хусайнов, Усман Абубакиров, Петр Молчанов, Хамидулла Семигулов, Мустафа Давыдов и некоторые другие.¹²

Неоднократно отмечался в боях с самураями и цодьесаул 1-го Оренбургского казачьего полка Шагивалей Абдулвагапович Ко-

чуров. За эту войну он был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.¹³ В декабре 1906 г. по убытии полков с театра военных действий Ш. А. Кочуров был произведен в есаулы и по выслуге лет уволен в отставку с мундиром и пенсией в размере 345 рублей в год.¹⁴

С окончанием войны казаки вернулись в свои поселки, с головой ушли в хозяйственные заботы, и ничто не предвещало надвигающихся суровых испытаний. Жизнь катилась по накатанной колее, дни протекали в привычных делах. Жарким летним днем 31 июля 1914 года все разом изменилось... В этот день почти все варненцы находились на покосах, сушили и перевозили на базы свежее сено, убирали подошедшие озимые, словом, занимались обычными, повседневными делами. И никто не подозревал, что царь уже подписал указ о мобилизации, означавший, что Россия вступает в разгоравшуюся мировую бойню, начинается кровопролитная, изнурительная война и за ней грядет страшная в своей бессмысленности братоубийственная гражданская... Увидев изда-лека клубы густой пыли, поднимавшейся вслед за мчавшимися бешеным наметом посыльными с трепетавшими по ветру синими флажками, работавшие на полях спешно выпрягали лошадей из косилок и граблей и также стремительно неслись к поселку. Синий флаг на пике верховых посыльных означал одно — война!

Собравшимся на площади у поселкового правления казакам атаман поселка приказной Адамов зачитал манифест и списки казаков 5-и возрастов, подлежащих мобилизации в полки и батареи войска. Сборы на войну проходили в приподнятой обстановке, вечером на улице гуляла молодежь и мобилизованные, слышались песни, звуки гармошек, а кое-где и приглушенные рыдания. Казаки, особенно не нюхавшие пороха, бравировали своим пренебрежением к опасностям, а те, кто уже побывал в боях на полях Маньчжурии, знали — легкой войны не бывает...

14 июля 1914 года первая группа казаков поселка вышла на сборный пункт в г. Верхнеуральск, где спешно формировались четыре казачьих полка — 9-й и 10-й второй и 15-й и 16-й третьей очереди. Вслед за ними, практически каждые полгода на пополнение несших потери частей уходили все новые и новые команды. Пройдя кратковременное обучение в запасном полку в Верхнеуральске, они в составе маршевых сотен уходили на фронт. Казаки поселка в годы первой мировой войны служили во многих частях, но больше всего варненцев было в 9-м и 10-м казачьих полках (кстати, сотенными командирами в них были впоследствии ставшие жожаками красного казачества подьесаулы Николай и Иван Каширины — В.К.).

Сражались варненцы храбро — за время войны в поселок не пришло ни одного известия о предательстве либо о дезертирстве казаков с поля боя. Но печальные известия о гибели «За веру, царя и отечество» были далеко не редким явлением. Списки убитых, пропавших без вести и раненых регулярно публиковались во всех местных газетах. Потери поселок понес немалые. Из ушедших на фронт 309 казаков и 86 иногородних не вернулось домой более 120 человек.¹⁵

Открыли счет войны казаки, служившие во 2-м Оренбургском казачьем Воеводе Нагого полку. Этот полк, стоявший до войны в Варшаве, в составе армии генерала Самсонова в августе 1914 года наступал на Восточную Пруссию, в районе Мазурских болот попал в окружение, выйти из которого удалось лишь немногим. В конце сентября 1914 года в поселковое правление пришло известие о гибели вахмистра В.Савинова, старшего урядника К. Бамбетова, приказных Ишекова, Сафиева, Усманова и еще 6 казаков.¹⁶ Печальный список в течение трех лет войны постоянно пополнялся...

Где бы ни служили казаки Варненского поселка — на русско-германском или Кавказском фронтах — Родину они защищали храбро, о чем говорят многочисленные упоминания в приказах по войску о награждении отличившихся. Достоверно удалось установить 39 случаев награждения казаков поселка Георгиевскими крестами 2-, 3- и 4-й степеней и Георгиевскими медалями «За храбрость» 3- и 4-й степени.

Среди тех, кто отличился в боях и был награжден двумя Георгиевскими крестами 3- и 4-й степени и двумя Георгиевскими медалями, были подхорунжий 9-го Оренбургского казачьего полка Насибулла Хайбуллин и вахмистр Николай Осьминин. 10 сентября 1916 года Георгиевскими крестами 4-й степени за отличие во время Брусиловской наступательной операции Юго-Западного фронта были награждены 8 казаков Варненского поселка, в том числе Василий Таймурзин и Иксан Якупов.¹⁷ Несколько боевых наград, включая Георгиевский крест 2-й степени, имел урядник Султан Якупов, ушедший из поселка на фронт одним из первых.

Казаки поселка начали возвращаться домой осенью 1917 года, когда по распоряжению Войскового правительства области войска Оренбургского с фронта были сняты две казачьи дивизии и отдельные полки. Отношение к происходившим в стране событиям со стороны казаков было неоднозначным. С одобрением они восприняли известие о том, что Временное правительство приняло решение об отмене прежнего положения, по которому казаки на свои средства приобретали обмундирование и снаряже-

ние. С другой стороны, находившееся в полной изоляции войсковое сословие слабо представляло себе цели революции и не разбиралось в многочисленных и зачастую туманных лозунгах и обещаниях, раздававшихся со всех сторон. Казаки-фронтовики устали от войны, поэтому некоторое время они занимали выжидательную позицию.

6. ТРАГЕДИЯ ГРАЖДАНСКОЙ

Сообщение об отречении Николая II и падении самодержавия казаки восприняли неоднозначно и настороженно. Вбивавшаяся им буквально ежедневно мысль о необходимости верой и правдой служить Царю и Отечеству настолько прочно укоренилась в сознании казаков, что известие о революции ошеломило многих. Успокаивало то, что жизнь по-прежнему катилась по устоявшимся канонам, разве что обычным явлением стали шумные митинги и демонстрации с политическими лозунгами. Вот как описывал это событие активный участник гражданской войны, а тогда казак 3-й запасной сотни В. С. Шумских: «2 марта к нам в сотню приехал атаман 2-го военного отдела полковник Евдюков, который объявил, что Государственная Дума и все министерства смещены. Рядом со мной стоял урядник Шестаков, который мне говорит: «Завтра царя Николая не станет»,— а я ему в ответ — «Ты дурной, разве можно это говорить, офицеры услышат и могут арестовать».— А он отвечает мне, что если сегодня арестуют, то завтра освободят. Эти слова меня буквально поразили».¹

Постепенно лозунги и программы политических партий стали пользоваться поддержкой и в казачьей среде, особенно среди фронтовиков, а затем и молодежь мало-помалу стала втягиваться в непривычную для них политическую борьбу. Во всех находившихся на фронте и запасных частях прошли выборы в полковые и дивизионные комитеты и кое-где от командования были отстранены не пользовавшиеся доверием комитетов и монархически настроенные офицеры.

Большое влияние на настроение казаков 2, 5, 9, 10, 15 и 16-го казачьих полков, в которых служило немало варненцев, оказали выходцы из Верхнеуральской станицы, офицеры Николай и Иван Каширины, воевавшие в годы мировой войны в 9-м и 10-м

полках. Конфликтовавшие с начальством буквально с самого начала своей военной карьеры, они еще задолго до революции заслужили прочную репутацию смутьянов и неблагонадежных, за что перед началом войны были уволены из полков. Однако после объявления "мобилизации братья Каширины вновь были призваны, воевали храбро, заслужив в боях немало наград. Тем не менее, в 1916 году подбесаул Николай Каширин в очередной раз был удален из армии по обвинению в антиправительственных настроениях и «разложении» казаков и направлен командиром сотни во 2-й запасной казачий полк, находившийся в Верхнеуральске.

Политические взгляды братьев Кашириных, ставших признанными вожаками красного казачества, сформировались не так просто, как это было принято считать до недавнего времени. Прежде чем окончательно встать на большевистскую платформу, они долго присматривались к программам и делам других партий. И если к весне 1918 года Николай Каширин уже прочно стал на большевистские позиции, то Иван Дмитриевич еще некоторое время придерживался взглядов, проповедовавшихся левыми социалистами-революционерами. Но уже с самого начала вокруг них стала формироваться оппозиция старому режиму и Временному правительству. Исключительно сильное воздействие на казаков оказало выступление Н. Д. Каширина на Войсковом Круге, проходившем в Верхнеуральске после занятия его отрядом атамана А. И. Дутова. Призвав войсковое население бойкотировать приказы атамана, он, в знак разрыва со своим прошлым, на глазах у многих сорвал и бросил в снег заслуженные в боях ордена.

Политическая борьба за влияние в среде казачества начала давать первые результаты только к осени 1917 года — в станицах началось брожение и стала складываться оппозиция Войсковому атаману и возглавляемому им правительству. Усилились антиправительственные настроения после возвращения в станицы фронтовых частей. События октября 1917 года вызвали раскол в казачьей общине. Часть казаков, протестуя против перехода власти в руки Советов, с оружием в руках выступила против большевиков и левых эсеров, а подавляющее большинство заняло выжидательную позицию «нейтралитета». Заявление о выходе России из империалистической войны казачество встретило с одобрением — война надоела всем. Но вместе с тем, они очень осторожно отнеслись к Декрету о земле, однако успокоенные заверениями о том, что их земли разделу не подлежат, активных действий против Советской власти не предпринимали. Именно по этой причине казачество в подавляющем своем большинстве

не поддержало призыва Войскового атамана полковника А. И. Дутова выступить на борьбу с большевиками, которые, по его мнению: «...заливают кровью матушку-Русь, сжигают города и усадьбы, грабят магазины, расхищают исторические ценности, составляющие достояние всего народа, и ведут к гибели всю Россию в целом».²

Осуществление лозунгов Октября на практике очень скоро показало: большевики и левые эсеры брали власть не для того, чтобы ею делиться с кем бы то ни было. И уж тем более не намерены они были считаться с традиционным укладом и мнением казачества. Очень скоро новая власть под видом подавления «буржуазии», которой в войске отродясь не водилось, начала облагать казачьи станицы громадными налогами и контрибуциями. К примеру сказать, жителям одной только Покровской станицы было приказано выплатить 1 млн. 431 Тys. рублей — сумму для казаков просто фантастическую.

Одновременно под видом «излишек» у них насильственно стал конфисковываться скот, запасы семенного зерна, трудом нажитое имущество и продовольствие для красногвардейских отрядов и рабочих центральных районов республики. Следствием неимоверных имущественных налогов и реквизиций, расстрелов мужского населения по обвинению в хранении оружия, грубых притеснений населения бойцами продотрядов стал постепенный отход казачества от нейтралитета к открытому противостоянию новой власти. Крупный военный специалист, бывший офицер царской армии Н. Е. Какурин в своей работе, вышедшей в 1925 году, приводит один весьма любопытный документ, во многом проливающий свет на произошедшие в сознании казачества изменения: «...присылаемые под Оренбург отряды,— отмечалось в приведенном им докладе Оренбургского губисполкома в Москву,— не соответствуют своему назначению, так как среди них полная деморализация. Жлобинский отряд в количестве 500 человек берет контрибуцию с казаков и делит ее между собой».³ Подобным образом вели себя и другие красногвардейские и рабочие отряды. Поэтому очень скоро в станицах и поселках стихийно стали создаваться дружины самообороны, которые не пускали реквизиционные отряды в свои поселения. В ответ Советская власть стала объявлять их мятежниками и пособниками дутовцев, хотя казаки на этом этапе не преследовали никаких политических целей, а лишь защищали свои дома и близких от грабежей и насилий со стороны победившего пролетариата. Глухой ропот прокатился по станицам войска после того, как по решению губернских властей против населения, неподчинявшегося приказам о контрибуциях, стали применять артил-

лерию. Летом 1918 года Войсковое правительство подсчитало причиненный казакам урон от осуществления такой «политики» — от артиллерийского огня пострадало 19 станиц во всех трех военных отделах и сгорело 3872 казачьи усадьбы.⁴ По расчетам чиновников, для восстановления уничтоженных хозяйств, скота и инвентаря требовалось не менее 10 млн. рублей.

В развернувшихся с начала марта 1918 года локальных боях между немногочисленными казачьими дружинами и красногвардейскими отрядами главкома В. К. Блюхера подавляющее большинство войскового населения участия не принимало. Выжидательную позицию заняли и казаки Варненского поселка. В начале марта железнодорожная станция Тамерлан и сама станция были заняты крупным красногвардейским отрядом. В Варне был проведен короткий митинг, на котором станичное правление было преобразовано в Совет казачьих и крестьянских депутатов. Особых выступлений на митинге не было — жители молчаливо согласились заменить правление исполкомом и допустить к участию в решении станичных вопросов на равных и иногородних жителей. На этом все преобразования и завершились. Председателем исполкома жители избрали прежнего станичного атамана, его товарищем — иногороднего, унтер-офицера Гунько, а в состав Совета, за некоторым исключением, вошли бывшие доверенные станичного Сбора. Красногвардейский отряд, состоявший из рабочих Троицкого депо и солдат бывшего 17-го Сибирского стрелкового полка, провести реквизицию продовольствия в станице и окружающих ее поселках не решился — командованию было известно, что в Варне создан отряд самообороны, который в случае насильственных действий со стороны красногвардейцев может создать опасный прецедент — заблокировать крайне важную для власти Троицко-Орскую железную дорогу. В близлежащих поселках также имелись вооруженные отряды казаков, готовые поддерживать варненцев в случае необходимости. Поэтому после проведения выборов в Советы отряд по железной дороге вернулся назад в город.

Окончательный перелом в настроениях казаков произошел в конце мая, когда смешанные русско-чехословацкие отряды подошли из Челябинска к центру 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска — Троицку. С началом боев под городом по призыву уездного Совета в прилегающих станицах начали формироваться добровольческие красноказачьи отряды. Создали такой отряд и жители бывшей Великопетровской станицы — в его ряды записалось более 200 человек из Катенинского, Кулевчинского, Варненского и других поселков округа. Вслед за красными казаками к месту боев поспешил и другой

отряд численностью 120 сабель, командование в котором взял на себя есаул М. А. Кочуров, произведенный впоследствии Дутовым в полковники.

Однако к моменту прихода добровольческих отрядов к Троицку его судьба была практически предрешена. Превосходившие по численности и более организованные антибольшевистские части вытеснили красногвардейские отряды из города и начали их преследование по двум направлениям — вдоль Троицко-Орской железной дороги и в направлении Верхнеуральска, где держались отряды Н. Д. Каширина. В боях под Троицком впервые столкнулись между собой одностаничники, прежде составлявшие единое войсковое сословие, не знавшее междоусобиц и иных распрей.

После поражения под городом подавляющее большинство добровольцев разъехались по домам и лишь те, кто принимал активное участие в советской работе, побоявшись репрессий, влились в сформированный 1-й Оренбургский социалистический казачий полк, получивший имя Степана Разина. Командиром полка стал казак Тарутинского поселка А. Е. Карташев, а его помощником С. И. Ловчиков.⁵ Этот полк, как и Верхнеуральский казачий, в составе партизанской армии В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина с боями прошел от Верхнеуральска до Кунгура, где и влился в 3-ю армию Советской республики.

Не сложились взаимоотношения казаков и с Временным Сибирским правительством, попытавшимся распространить свою власть на весь Урал, в том числе и на область войска Оренбургского, где имелось свое Войсковое правительство. Проводимая им, а затем и Колчаком социальная и экономическая политика не нашла сколько-нибудь серьезной поддержки с их стороны. Неоднократные попытки атамана генерал-лейтенанта А. И. Дутова выслать казачьи полки за пределы войсковой территории встречали активное сопротивление со стороны казаков. Дело порой доходило до открытых бунтов, подавлявшихся с применением силы.

Перешедшие весной 1919 года в контрнаступление войска Восточного фронта Советской республики к середине лета вплотную подошли к казачьей территории на трех основных направлениях — в районе Оренбурга, Верхнеуральска и Челябинска. Стремительным ударом силами нескольких пехотных полков и кавалерийской бригады И. Д. Каширина в начале августа был освобожден город Троицк. Не задерживаясь в городе, войска 1-й бригады 35-й стрелковой дивизии повели дальнейшее наступление в направлении станиц Чесменской, Варненской и Михайловской. Одновременно перешли к активным боевым действиям

и полки 24-й «железной» дивизии, наступавшей из района Верхнеуральска в направлении Орска.

Оперативная обстановка, сложившаяся на Троицком направлении, была очень сложной. Помимо пехотных частей 3-й армии генерала Сахарова, наступательный порыв советских войск сдерживали 3-й и 5-й Оренбургские и 1-й Яицкий казачьи полки, отдельные отряды члена Войскового правительства полковника М. А. Кочурова и войскового старшины Муртазанова, а также ряд мелких частей и сотен, спешно формирувавшихся в поселках. С началом эвакуации из Троицка Войскового правительства и учреждений отряды Кочурова и Муртазанова отошли к станции Тамерлан, где были пополнены за счет поголовной мобилизации казаков Лейпцигского, Алексеевского, Кулевчинского и некоторых других поселков. Только в Варне в отряд полковника Кочурова было мобилизовано около 150 человек в возрасте от 17 до 55 лет. Через несколько дней в район станицы пришел и отряд полковника Степанова, насчитывавший в своем составе более 800 сабель. Белое командование попыталось перебросить на станцию Карталы два мощных бронепоезда и несколько десятков эшелонов с продовольствием и армейским снаряжением из войсковых резервов. Эшелоны и один из бронепоездов, носивший имя «Тагил», сумели беспрепятственно дойти до назначенного места, а второму не повезло. Бойцы разведотряда из 35-й дивизии, взорвав мост через речку Верхний Тогузак у станицы Саламат, сумели захватить его в полной сохранности. 6 августа советские войска с боем заняли станицу Варненскую. Однако дальше им продвинуться не удалось — наступление захлебнулось. Два советских полка были остановлены на линии Варненская—Великопетровская и были вынуждены перейти к активной обороне. Бои на этом участке шли почти две недели, в ходе их белым удалось окружить западнее Варны и взять в плен 308-й стрелковый полк 35-й дивизии Красной Армии.

Получив временный перевес сил, белое командование попыталось закрепить достигнутый успех и бросило все имевшиеся в его распоряжении части вдоль железной дороги на станцию Тамерлан. Бои на этом участке шли с переменным успехом — то красным войскам удавалось отеснить на несколько верст белоказачков, то последние, переходя в контратаки, отбрасывали их на исходные позиции. Обеспокоенное сложившейся ситуацией командование 5-й армии Советской республики перебросило на опасное направление красноказачий полк Степана Разина, а в Троицке спешно формировался новый состав 308-го стрелкового полка. Перегруппировав свои силы, советские войска решили в наступление по трем направлениям и сумели добиться

перелома в свою пользу. Группировку полковника Степанова не спасла ни проведенная дополнительная мобилизация, ни огневая мощь бронепоезда «Тагил». 19 августа красные части с боем заняли станцию Карталы и станицу Полтавскую. Таким образом, к концу августа 1919 года вся войсковая территория была занята Красной Армией, а разбитые в ожесточенных боях полки Отдельной Оренбургской казачьей армии были вытеснены в Тургайские степи. Вместе с отступившими частями с родных мест снялось и ушло несколько десятков тысяч мирных жителей с домашним скарбом и скотом. Почти все из них надеялись вернуться назад. Однако судьба распорядилась по-иному...

Разбитые под Акмолинском остатки казачьих корпусов совершили тяжелый переход по безлюдной степи в Семиречье и влились в армию генерала Анненкова. В ходе этого перехода от холода, ран и инфекционных болезней погибло более половины ушедших с армией женщин, детей и стариков. Об этом долгое время не принято было писать. В советской исторической литературе упоминания о переходе на территорию семиреченского казачества крайне редки и противоречивы. «Общее количество отходивших,—г отмечает оренбургский историк В. М. Войнов,— по разным данным, составляло от 100 до 150 тысяч. К концу марта (1920 года — В.К.) границу Китая близ города Чугучак перешло только 30 тысяч оренбургских казаков и мирных жителей».⁶

Трагически сложилась и судьба оренбургских казаков, отступавших с основным ядром колчаковской армии на Омском направлении. Разгромленные в боях под Красноярском и Минусинском остатки 3-й и 4-й Оренбургских казачьих дивизий весной 1920 года были сведены в Отдельную бригаду и ушли в Приморье. Им, как и многим другим, также была уготована горькая доля эмигрантов...

Воевали варненцы в армиях обоих лагерей и на других фронтах гражданской войны. В начале лета 1920 года 20 человек в составе добровольческого отряда Н. Д. Каширина выбыли на Южный фронт и в полках 3-го Конного корпуса принимали участие в освобождении Крыма. Несколько человек в рядах Первой Конной армии сражались против деникинцев и армии Пилсудского. Некоторые из них неоднократно отмечались в приказах Реввоенсовета фронта за беспримерную стойкость и приверженность делу пролетариата. Среди них был и казак Султан Исламович Якупов, награжденный Реввоенсоветом Конармией именными часами и грамотой за подписями командарма С. М. Буденного и члена РВС С. К. Минина. В годовщину празднования 50-летия Октябрьской революции участнику трех войн С. И. Якупову за большой вклад в установление и защиту

Советской власти был вручен боевой орден Красного Знамени. Эта и другие боевые награды красного конника и поныне хранятся в музее истории района.

Гражданская война унесла жизни нескольких миллионов граждан России. В том числе понесла невосполнимые потери и одна из многих станиц Оренбургского казачьего войска — Варненская. Численность ее населения к концу 1919 года составила менее 1,7 тыс. человек. В братоубийственной войне по разные стороны баррикад оказались многие семьи варненцев. В это время оборвались некогда многочисленные роды казаков Савиновых, Готовцевых, Васильевых, Осьмининых, Мамбетовых и других. В период боев в районе Варна—Полтавская за неполные две недели погибло более 2-х тысяч человек с обеих сторон и 3,5 тысячи были ранены.

7. НА ПЕРЕЛОМЕ

С окончанием боев желанного покоя на войсковой территории не наступило. Советская власть, не доверявшая казакам, создавала в освобожденных поселках и станицах вместо представительных Советов чрезвычайные органы власти — революционные комитеты, действовавшие исключительно принудительными методами. 7 августа 1919 года станичный ревком в Варне был создан и политработниками 308-го стрелкового полка 35-й дивизии, восстанавливавшими местные органы власти совместно с инструкторами Троицкого уездного ревкома и укома РКПб.

С первых часов своего образования Варненский станичный ревком включился в работу по обеспечению наступавших частей Восточного фронта всеми материальными ресурсами — от продовольствия до оружия. Работники ревкома совместно с представителями отделов снабжения воинских частей 24-й и 35-й дивизий изымали у казачьего населения холодное и огнестрельное оружие, брошенное отступавшими полками армейское снаряжение, обмундирование, организовывали сбор теплых вещей, белья и добровольных пожертвований в пользу Красной Армии. По данным отдела Управления станревкома, жители станицы в августе 1919 года добровольно передали властям 23 винтовки, 14 револьверов, пулемет, 89 шашек и более 8 тыс. патронов. В сентябре в ревком поступило еще 12 винтовок и 34 единицы холодного оружия. Для бойцов 35-й дивизии жители Варны

и прилегающих поселков собрали 32 комплекта обмундирования, 89 пудов печеного хлеба, 502453 рубля совзнаками и 12 полшубков армейского покроя.

Вслед за ревкомом подключились к работе продорганы уезда — уже в начале сентября в станице была проведена сверка наличных запасов продовольствия, и по разверстке население сдало на ссыпной пункт станции Тамерлан 3625 пудов пшеницы и 896 пудов овса. С осени военный комиссариат и комиссия по трудовой повинности начали проводить многочисленные мобилизации в Красную Армию и трудовые части сформированной на Урале 1-й Армии Труда. Еженедельно на жителей станицы налагались задания по перевозке на ссыпные пункты заготовленного в удаленных от железной дороги районах хлеба и другого продовольствия. Более двух месяцев по указанию уездного ревкома казаки Варненской станицы и близлежащих поселков работали на восстановлении железнодорожного моста у станции Саламат, ремонтировали насыпь и меняли рельсы на поврежденных в ходе боев участках Троицко-Орской железной дороги. Выполнявшиеся в рамках трудовщины работы никак не оплачивались, и казаки были обязаны являться на них, имея свое продовольствие и лошадей. Это вызывало растущее недовольство казаков, особенно тех, кто с первых дней восстановления Советской власти был объявлен кулаком, и в очередной раз оттолкнуло их от пролетарской власти.

Весна и лето следующего 1920 года выдались крайне напряженными не только в экономическом, но и в политическом отношении. Недовольные проводившейся экономической и социальной политикой новой власти казаки многих поселков бывших 2-го и 3-го отделов Оренбургского войска стали объединяться в вооруженные формирования и совершать нападения на местные органы власти и коммуны, уничтожать продотряды и сжигать приготовленный к отправке в промышленные центры хлеб и иное продовольствие. Особенно тревожное положение складывалось на юге Челябинской губернии¹. Кроме отрядов «Голубой армии» полковника Мировницкого, в казачьих районах длительное время действовали крупные отряды сотника Макарова, подбесаула Звездына, полковника Старжевского и не подававшие учету мелкие группы дезертиров, пользовавшиеся не только сочувствием населения, но и прямой его поддержкой. В июне 1920 года после подавления Славгородского восстания в станицах Верхнеуральского уезда появился хорошо вооруженный и маневренный отряд бывшего офицера колчаковской армии Черского. Повстанцы разгоняли Советы, восстанавливали прежние станичные правления, жестоко мстили семьям красноармей-

цев и расправлялись с принимавшими участие в советской работе казаками и крестьянами. И без того сложная политическая обстановка в губернии обострялась и активизацией на ее границах деятельности башкирских националистов, сформировавших в районе Баймака целую повстанческую дивизию под командованием Русланова.

В фондах Челябинского партийного архива сохранился один весьма любопытный документ, раскрывающий атмосферу тех дней, — заявление жителя Варненской станицы Г. Назарова, адресованное секретарю ячейки РКПб: «...гражданка Х. Юлеева, — сообщал в апреле 1920 года Назаров, — говорила мне, что на базаре нельзя ничего купить по той причине, что коммунисты, запретив торговлю, сами ничего не производят. Из ее разговора с Х. Даминдаровым мне стало известно, что они хотят организоваться, тайно собрать деньги и послать пару смелых людей в Башкирстан, чтобы попросить полка два войск и уничтожить всех коммунистов. Только тогда, говорили они, мы станем жить спокойно» . Проследить, как отреагировали власти на это заявление, не удалось, скорее всего отмеченные в заявлении жители были привлечены к суду трибунала по обвинению в контрреволюционной пропаганде, но на подавление отрядов повстанцев и дезертиров власти бросали все имевшиеся в их распоряжении воинские части. На борьбу с бандами поголовно мобилизовывались коммунисты, активисты Союза молодежи и совработники.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, опиравшиеся на поддержку местного населения банды неизменно уходили от преследования и через некоторое время вновь совершали нападения на мелкие чоновские и милицейские отряды. На борьбу с ними Троицкий уком РКПб был вынужден бросить спешно сформированный из бывших бойцов полка Степана Разина крупный отряд под командованием С.П. Галунова и дружины шахтеров Полтавских копей. Отряду Галунова, совместно с ротой ЧОНа из Верхнеуральска, удалось окружить и почти полностью уничтожить в районе Анненского лесозавода отряд сотника Макарова и рассеять более мелкие группы, действовавшие в районе Бреды — Верхнеуральск — Тамерлан. Но все же сколько-нибудь серьезных успехов в борьбе с политическим бандитизмом властям добиться не удавалось до тех пор, пока в корне не была изменена экономическая политика Советской власти. Только после отмены продразверстки и введения свободы торговли численность повстанческих отрядов стала резко сокращаться и начался отток из их рядов казаков и крестьян. Благодаря этим изменениям летом 1921 года под Адамовкой (ныне Оренбургская область — В.К.) была окружена и уничтожена «Народная Армия»

полковника Стражевского — одно из последних крупных антисоветских формирований, действовавших на территории Челябинской области.

Стремясь любыми путями выполнить задания продразверстки, местные органы несмотря на нехватку у населения хлеба выкачивали из казачьих хозяйств не только отложенное на питание, но и семенное зерно. В соответствии с приказом Челябинского губпродкома органам власти на местах предписывалось выполнять задания по продовольственной разверстке всеми возможными путями, даже если и выполнение ее пришлось провести за счет потребностей самого населения³. К лицам, замеченным в продаже продовольствия, власти обязаны были принимать самые жесткие меры, вплоть до ареста и конфискации всего принадлежащего им имущества и скота. В случаях невыполнения заданий продразверстки руководители местных Советов и продкомитетов подлежали незамедлительному аресту и исключению из партии.

Проводившаяся в течение двух лет продовольственная политика вконец подорвала положение казачьих хозяйств и вылилась в небывалый до того голод 1921—1922 годов. Сохранившихся от сдачи государству запасов продовольствия населению хватило едва до середины зимы, а затем разразился голод, унесший жизни десятков тысяч детей и стариков. Смерть не разбиралась, чьи это дети — белоказаков или красноармейцев — в иные дни в станицах района умирало по нескольку десятков жителей. О размахе поразившего казачьи районы этого бедствия говорят скупые официальные данные. Так, в Бородиновской станице в январе 1922 года от истощения умерло 12, в феврале 18, в марте 35, апреле 41 человек, а начиная с мая, в среднем умирало по 5 человек в день. 10 апреля Лейпцигский станисполком отправил в Троицк следующее донесение: «В станице положение безнадежное. Съеден практически весь скот, собаки и кошки. Имеются факты людоедства. В столовой питаются дети и нетрудоспособные. Смертность дошла до 26 человек в день. Скоро некому будет вести посевную кампанию...»⁴.

Отношение пролетарской власти к казачеству с первых дней ее существования было негативным. В июле 1918 года ВЦИК республики принял туманное постановление, в котором провозглашалась «административная самостоятельность всех казачьих областей и войск», но традиционные органы самоуправления распускались и вместо них создавались Советы казачьих и крестьянских депутатов. Поначалу такой общевоисковой исполком был создан и действовал в Оренбурге, но уже вскоре он был слит с губернским и больше никогда не восстанавливался. В уездах вся

полнота власти передавалась Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а при них допускалось лишь создание казачьих секций, работавших под жестким контролем исполкомов и комиссариатов.

Новая власть казачеству не доверяла никогда, поэтому вопрос о необходимости ликвидации его как сословия поднимался советскими руководителями в центре и на местах неоднократно. На Урале наиболее отчетливо выразил царившие в руководящей среде настроения председатель Уральского областного ревкома П.Г. Петровский. Выступив с резкой критикой содержания декрета ВЦИК от 2 июня 1918 года, он упорно доказывал, что «...казачество отличается от всего прочего населения только рядом привилегий и прав, которые выделяют его не в «бытовую группу», как это отмечается в декрете, а в особый эксплуататорский класс⁵. Петровский, сам ставший в 30-е годы жертвой произвола сталинской репрессивной машины, назвал оренбургское и уральское казачество не иначе, как идейными врагами Советской власти и призывал пролетариат покончить с ним со всей беспощадностью, раз и навсегда.

Антиказачьи настроения в центре окончательно взяли верх в начале 1919 года. В январе, в самый разгар гражданской войны, ЦК РКПб разослал в казачьи районы республики секретную директиву, в которой предписывалось местным органам власти и комиссарам проявлять максимальную твердость и неуклонность в ее проведении. Ее первый пункт гласил: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»⁶. У казачьего населения приказывалось изымать весь хлеб и другое продовольствие, на месте расстреливать лиц, у которых будет обнаружено оружие. С целью создания социальной опоры в казачьих областях предлагалось немедленно начать массовое переселение в казачьи районы бедноты из других регионов, уравнив их во всех правах с казаками.

Бескомпромиссное выполнение этого указания ЦК на Дону и Кубани привело к массовой вспышке антисоветских настроений в среде войскового сословия. Публичные расстрелы и невиданные до того насилия вынуждали казаков буквально целыми станицами братья за оружие и поднимать в тылу Красной Армии восстания, уничтожать создаваемый новой властью аппарат управления, карательные органы и осуществлять террористические акты в отношении их работников.

На Урале же, в частности в области Войска Оренбургского, эта директива фактически не была выполнена. Причина этого

проста — к середине января 1919 года под контролем пролетарской власти оставалась лишь незначительная часть войсковой территории — Оренбург и его окрестности. Вся же остальная территория была занята отрядами атамана Дутова и колчаковскими войсками. Более осмотрительно, чем на Дону, повели себя и руководящие работники Оренбуржья — обсудив в начале февраля на губернской партийной конференции по-лученную директиву, они приняли решение временно воздержаться от ее выполнения, запросив при этом дополнительные разъяснения из Москвы. Вскоре, по настоянию В.И. Ленина, она была отменена, но отношение власти к казачьему вопросу по существу не изменилось.

Первое время после окончания гражданской войны пролетарская власть осуществляла свою политику по отношению к казачеству исподволь. Сначала была разделена прежде единая войсковая территория на две губернии и упразднены все три военных отдела. В образованных административных уездах объединялись и казачьи станичные юрты, и крестьянские волости. Но уже к концу 1923 года на Урале по решению ВЦИК была осуществлена крупная административно-территориальная реформа, в результате которой была создана единая Уральская область, объединившая четыре прежние губернии региона, в том числе и Челябинскую. Вместо уездов, являвшихся промежуточным звеном, область разбивалась на более крупные единицы — административные округа. Наряду с Челябинским, Курганским и другими был образован и Троицкий округ Уральской области. В феврале 1924 года на 1-м съезде Советов Троицкого округа было проведено его районирование, заменившее административное деление на волости и станичные юрты. С этого времени всякое упоминание о прежней принадлежности этой территории стали постепенно исчезать. Во всех официальных документах станицы и поселки стали называться деревнями, а казаки — крестьянами. Этот негласный курс проводился в жизнь настолько энергично, что серьезно обеспокоил группу советских работников, трезво смотревших на происходившие события. Многие из них считали кампанию по ликвидации казачьего сословия мерой преждевременной и даже предлагали положить в основу формирования кавалерийских частей Красной Армии отработанный казачий опыт, но уже на иной идеологической основе. Эти предложения встретили сопротивление в высших органах власти, а также неприятие со стороны партийного и советского руководства Уральской области. Вопрос об отношении к казачеству обсуждался и на проходившем в сентябре 1925 года 4-м окружном пленуме РКПб, где со специальным докладом выступил председатель Троицкого окрис-

полкома П.Д. Каширин. «Термин казак в округе из административного почти вычеркнут, — отмечал он в докладе, — и даже в наименовании Советов только изредка встречается упоминание «казачьих депутатов». Это явно противоречит общей политике партии по работе среди казачества»⁷. Поддержали Каширина в своих выступлениях и многие члены окружного исполнительного комитета, однако в конечном итоге восторжествовала точка зрения, выраженная секретарем окружкома РКПб С.С. Моисеевым: «Вопроса о восстановлении былого казачества, — оборвал он выступавшего, — его привилегий и традиций партией не ставится». Казакам повсеместно запрещалось ношение привычной для них форменной одежды: шаровар с лампасами, фуражек со светло-синими околышами и др.

Один из наиболее авторитетных в казачьей среде советских работников Петр Дмитриевич Каширин, искренне считавший, что происшедшие изменения не отражают генеральной линии партии, в действительности заблуждался. Наметившиеся тенденции не только не противоречили политике центра, но и прямо вытекали из его курса. Член ВЦИК и ЦИК СССР П. Д. Каширин, занимавший в 20—30-е годы посты заместителя председателя Челябинского и председателя Оренбургского губисполкомов, перед войной вместе со своими братьями — героями гражданской войны был репрессирован. Поводом к его аресту, а затем и вынесению смертного приговора стало абсолютно нелепое обвинение в сотрудничестве с ...японской разведкой. Из сфабрикованного дела явствовало, что группа советских работников из казаков создала на Южном Урале подпольную антисоветскую организацию и готовила офицерское восстание с целью свержения пролетарской власти.⁸ Но это был повод. Причина заключалась в ином — Сталин и его окружение завершали ранее начатую кампанию по планомерному уничтожению казачества, а такие люди, как Каширины, были для системы опасны. Врагом, впрочем, объявлялся всякий, кто не только сопротивлялся проводимой политике, но и смел выразить сомнение в ее целесообразности и необходимости.

Какие станица понесла потери от политики расказачивания и насильственного искоренения казачьих традиций, ярко показывают отчеты об организации и проведении новых советских праздников. В докладе секретаря Варненского райкома РКПб за март 1925 года говорится о проведении в районе чуждого казачьему населению праздника 8 Марта. «Накануне, — отмечалось в отчете, — райком разослал по всем селам района директивные письма, в которых предписано провести среди батрачек и крестьянок необходимую работу. В этот день ячейки выпустили

стенные газеты, посвященные жизни батрачек, в Варне проведено торжественное собрание и сделан доклад, создавалось общественное мнение по вопросу открытия детских яслей за счет населения. В Варне и еще двух деревнях открыты уголки батрачек и две из них премированы».

Партийные органы ежемесячно требовали предоставления специальных докладов и сводок о политическом положении в районе и отношении населения к проводившимся властями мероприятиям. В большинстве посылавшихся в Троицк докладов стереотипно отмечалось, что население к властям относится хорошо и охотно выполняет все их указания. Но красноречивее всех этих сводок об истинном отношении к политике партии говорили практические дела варненцев. Так, в одном из своих отчетов секретарь райкома РКПб И. А. Гущин вынужден был отметить, что в период перевыборов сельских Советов на избирательные участки в Лейпцигской станице пришло 62, в Варненской — 41,5, а в Алексеевской станице — всего 32,8 процента избирателей.

Антиказачья политика, проводимая буквально с первых дней существования советской власти, принесла горе и страдания почти в каждую казачью семью. В 30-е годы часть жителей станицы была выслана в спецпоселения, а оставшиеся подвергнуты другим репрессиям. Среди них были не только лица, служившие в годы гражданской войны в белой армии или вернувшиеся из эмиграции по амнистии Советского правительства, но и многие бывшие бойцы Красной Армии, местные партийные и советские работники и простые труженики. Люди исчезали бесследно, словно их и не было... Завеса секретности долгое время скрывала масштабы произошедшей трагедии. Правда была сказана недавно. Да и вся ли правда о совершенных против собственного народа преступлениях известна потомкам оренбургских казаков?!

22 февраля 1924 года был образован Варненский район, занимавший по численности населения 5-е место в округе. Несмотря на опустошения, вызванные двумя войнами — мировой и гражданской, численность населения казачьих районов стала медленно восстанавливаться. Если, по состоянию на июнь 1924 года, в Варненском районе проживало 18.163 человека, то к середине 1926 — 23.637. Прирост произошел исключительно за счет проводившегося в рамках кампании расказачивания переселения крестьян из центральных губерний страны. Для размещения переселенцев на территории Варненского и соседних с ним казачьих районов было разбито 88 специальных переселенческих участков. Крестьянам предоставлялись из станичных фондов земельные наделы по установленной в губернии норме. Вместе с тем, следует отметить, что в 1921—1922 годах в создаваемую под Аст-

раханью Калмыцкую автономную область выехали почти все входившие в войсковое сословие крещеные калмыки.

В период индустриализации многие казаки с семьями и в одиночку покидали родные места, бросали трудом поколений наживавшееся имущество и уезжали на промышленные стройки Урала, вербовались на Север и Дальний Восток, принимали участие в строительстве Турксиба и других объектов первых пятилеток. Казачье сословие таяло, как весенний снег...

Миграционные процессы были замедлены, а затем и окончательно стабилизированы к середине 30-х годов. В дальнейшем был установлен жесткий контроль властей за всеми перемещениями населения. Жителям сельской местности до начала 60-х годов под угрозой наказаний запрещалось выезжать в города на жительство, они не имели паспортов, лишались избирательных прав. Сложившаяся в конце 30-х годов система была отменена лишь в период так называемой хрущевской оттепели.

Революция, гражданская война и сопутствовавшая им хозяйственная разруха нанесли серьезный урон казачьим хозяйствам. В период политической и экономической дестабилизации резко снизились размеры посевов индивидуальных хозяйств и количество скота. О происходивших изменениях беспристрастно свидетельствует официальная статистика тех лет, К примеру, если в 1914 году среднее казачье хозяйство имело 15 голов крупнорогатого скота (не считая рабочего — волов и лошадей), то в 1923 — всего 1,4 головы. Казаки, имевшие до революции и гражданской войны, помимо строевых лошадей, еще по 2—3 рабочие, в начале 20-х испытывали острый недостаток в тягловом скоте. По данным переписи 1926 года, в среднем на казачье хозяйство приходилось всего по 0,9 лошади. Через три года после окончания гражданской войны жители района имели всего 22.346 голов скота с учетом волов, овец и свиней. Причинами столь резкого сокращения поголовья стали интенсивно проводившаяся в 1918—1921 годах продовольственная разверстка, массовые реквизиции продовольствия, скота (главным образом, лошадей) как советскими, так и белыми войсками. На запустение прежде крепких хозяйств оказал негативное влияние и отток рабочих рук в период первой мировой и гражданской войн.

Основой экономики созданного района по-прежнему являлось полеводство, однако в нем произошли серьезные изменения. В первые послевоенные годы в структуре посевов наибольший удельный вес занимала рожь, в то время как до революции — яровая и озимая пшеница. Значительное распространение получили просо, гречиха и технические культуры, требовавшие меньших затрат при их возделывании. Казаки в это время не были заин-

тересованы в увеличении посевных площадей, так как практически весь собранный хлеб изымался в счет налагаемой разверстки. Поэтому, несмотря на многочисленные и грозные приказы губернских властей, объемы производимого сельским населением продовольствия неуклонно сокращались. Положение начало выправляться только к середине 20-х годов, когда яровая пшеница стала занимать более половины всех площадей, а технические, в том числе и лен — чуть более 12-ти процентов. Занимались казаки и бахчеводством. В 1926 году под бахчами было занято около 2-х процентов засеянных полей." Однако неблагоприятные климатические условия и вредители нанесли индивидуальным хозяйствам немалый ущерб. Только в 1924 году по причине морозов, засухи и нашествия кобылки погибло более 6 тысяч десятин Хлебов из 20.257, занятых посевами.¹²

Подъем казачьих хозяйств сдерживался и нехваткой сельхозинвентаря и его износом. По данным райисполкома, в 1924 году в районе имелось всего 54 сеялки, 1880 разных плугов, 800 борон, 577 жаток, 110 молотилок и 127 веялок, многие из которых находились в нерабочем состоянии. По сравнению с волостями, где проживало исключительно крестьянское население, эти показатели были более высокими, но в то же время насыщенность хозяйств сельхозорудиями по сравнению с 1914 годом упала в полтора раза. Незначительную роль в экономике района играла мелкая и кустарная промышленность, в которой было занято 534 кустаря, включая и членов их семей. Из этого числа 116 человек занимались пуховязанием, 122 — валянием обуви, 83 трудились в кузнечно-слесарных мастерских и 103 — на мельницах и крупорушках.

Стремясь преодолеть негативные последствия проведенной национализации, под которую в 1919 году попали почти все мелкие предприятия, Варненский райисполком в конце 1924 года сдал в долгосрочную аренду частному владельцу исполкомовскую (бывшую Усмановскую) мельницу и кирпичный завод, а вслед за ними салотопню и несколько кожевенных мастерских. К 1925 году в Варне в частном владении имелось три мельницы (две водяные и ветряная), крупорушка и две маслобойни с 29-ю занятыми в них рабочими. С 1 января 1925 года приступила к работе государственная скотобойня, приносящая около полутора тысяч рублей годового дохода, две государственные и две кооперативные торговые точки и слесарно-кузнечная мастерская, преобразованная впоследствии в районную тракторную станцию (РТС).

Как уже отмечалось выше, в состав созданного района вошло 35 сельских Советов. В их числе был и Варненский сельсовет,

в который вошли: собственно Варненская станица (600 дворов, 2464 жителя), Ново-Ивановский и Ново-Покровский хутора, 45-й и 46-й переселенческие участки, полуказармы 86-го и 101-го километров Троицко-Орской железной дороги и станция Тамерлан, насчитывавшая 21 двор. Станисполком был упразднен и проведены выборы в сельский Совет, который вместо В. С. Шумских возглавил М. Б. Гатаулин.

Изменение статуса Варны и перенос в нее районных учреждений повлекли за собой непредвиденные трудности и предопределили существенные сдвиги в устоявшемся укладе жизни жителей. Как отмечал в докладе в Троицкий окружном секретарь райкома партии И. А. Гушин, в станице катастрофически не хватало необходимых для размещения районных учреждений и служб помещений, поэтому более 50-ти процентов из них первоначально размещалось в домах казаков. Для налаживания работы районных структур не хватало квалифицированных работников и специалистов, учреждения испытывали острую нехватку денежных средств и оборудования. Решение этих проблем потребовало немало сил и времени.

Медленно шло восстановление системы народного образования и культуры. В 1924 году в 24-х школах работали всего 36 учителей и обучались 893 человека. Из этого числа две школы вели обучение на татарском языке. К 1927 году в сфере народного образования произошли некоторые сдвиги. В селах района действовала уже одна средняя, две неполные средние и 43 начальные школы с 2781 учащимся. В это же время в Варне был построен первый корпус районной больницы, работало 9 изб-читален и 18 сельских библиотек.

В 1931—1938 годах в райцентре была пущена звуковая киноустановка, установлена телефонная связь с центром округа и проведено радио. На полях в 1937 году работало 288 тракторов, появились первые комбайны «Коммунар» и «Сталинец», грузовые автомобили. Несмотря на все перипетии и сложности жизнь на месте не стояла...

8. В ГРОЗНЫЕ ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Несмотря на выпавшие на долю оренбургского казачества тяжелые испытания оно не потеряло веру в торжество справедливости. Вынеся на своих плечах трудности первых десятилетий становления нового государства, неоднократно ущемляясь в по-

литических правах и подвергаясь репрессиям, казачество не ожесточилось на пролетарскую власть и не затаило на нее зла. Жизнь сельчан везде была одинаково нелегкой, и это очень быстро сблизило вчерашних казаков и крестьян, совместно трудившихся на коллективных полях, отмечавших одни праздники и растивших детей. Натуроплата, выдававшаяся на трудодни, едва обеспечивала минимальный прожиточный уровень и, если бы не извечная привычка к трудностям и невзгодам да приусадебные хозяйства, последствия для сельских тружеников могли быть еще более тяжелыми. Несмотря на экономические трудности, политические притеснения в прошлом подавляющее большинство бывших оренбургских казаков осталось патриотами своей великой Родины и в очередной раз доказало это в грозные годы Великой Отечественной.

Знойным летом 1941 года ничто не предвещало надвигавшихся суровых испытаний — в газетах ежедневно сообщались сводки об очередных трудовых достижениях, по радио звучали бравурные марши и жизнерадостная музыка из популярных кинофильмов, работали фабрики, школы и детские сады. Мирно трудились и варненцы, закончившие посевные работы и приступившие к сенокосу на колхозных полях.

22 июня 1941 года стало днем, разделившим жизнь на две эпохи — мирную и как бы нереальную и трудную, военную, наполненную невзгодами и страданиями.

«Патриотический подъем среди трудящихся был огромен,— вспоминал участник тех событий А. С. Юсупов,— На площади у татарской школы стихийно собрались на митинг жители райцентра. Было очень многолюдно, пришли и старики и молодежь, и школьники. Митинг открыл райвоенком Абидаев. Всех выступивших не назову. Но помню хорошо, как говорили председатель сельского Совета Е. К. Прокопов и заместитель председателя колхоза «Урнэк» М. Т. Яхин. Выражая чувство гнева и возмущения вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну, выступавшие призывали трудиться, не жалея сил для разгрома врага, для победы».¹

После митинга мужчины призывного возраста потянулись в райвоенкомат, и с тех пор у этого учреждения работы не убавлялось долгие четыре года. На фронт добровольцами уходили зрелые мужчины, успевшие повоевать в гражданскую, и безусые юнцы, едва перешагнувшие школьный порог. Среди них были учителя Варненской русской и татарской семилетних школ В. С. Каштаев, И. С. Щербаков, Г. Я. Абсалямов, С. Х. Рахмеев, А. П. Колесников и многие другие. В начале 1942 года в армию были призваны и их ученики К. Х. Юсупов, З. Р. Рахмангулов,

М. С. Якупов, П. И. Буренин, Н. Н. и И. Н. Плешковы, братья Исмаил, Усман и Исхак Якуповы. Вернуться назад суждено было далеко не всем...

Буквально на следующий месяц после начала войны ее огненное дыхание дошло и до далекой от места боев Уральской Варны — в дома ее жителей стали приходиться первые похоронки с лаконичным текстом «Ваш муж (сын, брат)..., верный воинской присяге, пал смертью храбрых в боях за Советскую Родину». Осенью в здании семилетки был развернут тыловой госпиталь № 37-56 на 1400 мест. С самого первого дня шефство над ранеными взяли на себя учащиеся села и труженики колхоза «Урнэк», старавшиеся обеспечить их необходимыми продуктами и надлежащим уходом. Школьники 5—7-х классов ухаживали за бойцами, читали им книги, ставили спектакли, организовывали концерты художественной самодеятельности.

Уходили варненцы на фронт и в течение последующих трех огненных лет. Е. И. Комарова, ныне жительница Перми, вспоминала: «Все верили в Победу, но понимали, что война будет нелегкой и многим не придется вернуться никогда. Прощание... Какими словами можно это описать?! На всю жизнь врезались в память неутешные рыдания бегущих за уходящим поездом женщин и детей. Обессиленных от горя приходилось с трудом уводить в опустевшие дома». ² Наравне с мужчинами в армейский строй вставали и женщины — кто медработниками в роты и батальоны, а кто уходил и на передовую и защищал Родину с оружием в руках.

Варненцы героически сражались за независимость своей страны, проявляли в боях образцы невиданного героизма и стойкости. Среди тех, кто в числе первых встретил войну, был В. Е. Третьяков. Призванный в ряды Красной Армии в 1940 году молодой боец в составе 15-й танковой дивизии нес службу на западной границе. Дивизия в числе частей первого эшелона вступила в бой 22 июня 1941 года в районе города Черновцы. Полки дивизии, имевшие на вооружении устаревшие танки Т-28, несли большие потери, но сдержать наступление гитлеровцев так и не сумели. Ведя арьергардные бои, дивизия отступала, нанося противнику большие потери. После выхода из окружения под Киевом остатки дивизии были переформированы и сведены в Отдельную танковую бригаду под командованием полковника Кагукова. Бригада вела изматывающие бои под Орлом, за которые В. Е. Третьяков был награжден орденом Красной Звезды. Эта награда, полученная в начальный период войны, когда орденами не баловали, говорит о многом. Затем были бои под Москвой, на Курской дуге, штурм Берлина. Кавалер двух боевых орденов

и нескольких медалей В. Е. Третьяков вернулся домой только в 1946 году.

Многие жители села героически обороняли Сталинград, вошедший в историю страны образцом несгибаемого мужества его защитников. В рядах 193-й стрелковой дивизии, сформированной в Кургане из курсантов военных училищ, прибыл в горящий город варненец Н. Тимофеев. Его часть непосредственно обороняла легендарный завод «Красный Октябрь». Бойцы защищали город в течение нескольких месяцев и отстояли его. В боях под Сталинградом неоднократно отличался и минометчик 97-й Отдельной стрелковой бригады В. С. Марченко, награжденный орденом Красной Звезды. Оборонял его и другой житель села Г. Ш. Рахмеев, закончивший войну в столице поверженного рейха — Берлине. Отважный воин был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и многими другими солдатскими знаками доблести. Примечательно, что в период сражения на Волге должность начальника штаба Сталинградского фронта занимал уроженец района генерал-лейтенант И. С. Варенников, чьи боевые награды и личные вещи хранятся в музее истории района.

Жители Варны воевали практически на всех фронтах Великой Отечественной, во всех родах оружия и партизанских отрядах. В составе 174-й Челябинской стрелковой дивизии принимал участие в боях на Барвенковском выступе под Харьковом рядовой В. К. Крылов. Эта одна из наиболее трагических страниц войны на протяжении долгих лет замалчивалась. Брошенные по прихоти Сталина в неподготовленное должным образом наступление на Харьков, войска двух советских армий летом 1942 года оказались в окружении, и их личный состав почти полностью погиб либо был пленен противником. Из окружения удалось выйти немногим, да и тем была уготована незавидная судьба — многие из них были осуждены как изменники Родины, хотя их вины в произошедшей трагедии не было.

Большая группа варненцев в составе войск Ленинградского фронта обороняла северную столицу СССР. В их числе были С. А. Ненашев, ныне почетный гражданин Ленинграда; в органах военной контрразведки «Смерш» боролся с вражеской агентурой бывший директор Варненской семилетней школы капитан В. С. Каштаев. От Ленинграда до поверженного Берлина прошел с боями военный водитель Г. Г. Охрименко. В майские дни победного 1945 года он вместе со своими боевыми товарищами пришел к стенам дымящегося рейхстага. Поднятый на руках Григорий Григорьевич написал на его стене: «Здесь были из Ленинграда майор Андреев, Охрименко, Михайлин. Мы пришли

сюда, чтобы Германия к нам не ходила». Фрагмент стены с этой надписью ныне хранится в Центральном Музее Вооруженных Сил СССР в Москве.

В штурме Берлина принимало участие более 20 солдат и офицеров, уроженцев села, кому посчастливилось уцелеть в кровопролитных сражениях.

О боевых делах варненцев писали неоднократно и фронтовые газеты. Так, в газете «Во славу Родины» 37-й стрелковой дивизии несколько заметок было посвящено артиллеристу 101-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона К. Н. Ильину, кавалеру солдатских наград — медалей «За Отвагу», «За боевые заслуги» и ордена Славы III степени. Старший лейтенант К. Н. Ильин ушел на фронт в августе 1941 года и всю войну провел на передовой. В один из боев, когда дивизия взламывала глубокоэшелонированную оборону противника, — отмечалось в заметке, — бойцы батальона с ходу взяли небольшую деревушку, имевшую важное значение для оборонявшейся немецкой дивизии. Оправившись от шока, гитлеровцы попытались взять ее обратно. Семь раз поднимались вражеские цепи в атаку и каждый раз откатывались, неся тяжелые потери. В восьмой раз немецкое командование бросило на батальон танки и самоходные орудия. Целый полк, усиленный двумя батальонами танков, повел атаку на позиции советских войск. И в тот момент, когда казалось, что бойцы не выдержат натиска противника, к ним на помощь сумели прорваться несколько расчетов противотанковых 57-мм пушек. Одним из расчетов командовал старший сержант Кронид Ильин. Артиллеристы сумели остановить танки врага, и на поле боя осталось несколько боевых машин. 4 танка, самоходное орудие и 4 бронетранспортера уничтожил и расчет Ильина. За этот бой он был награжден орденом Славы.

Внесли свой вклад варненцы и в освобождение Украины, Белоруссии и Литвы. В боях под Ворошиловградом погиб гвардии младший лейтенант Н. Н. Плешков, под Клайпедой — командир 344-й стрелковой дивизии генерал-майор Г. И. Дружинин. В ходе боев за освобождение Западной Украины пал смертью храбрых и летчик-штурмовик младший лейтенант К. Х. Юсупов. В преддверии 40-летия Победы его именем назван переулок села и установлена мемориальная доска на одном из зданий. В память о Герое Советского Союза И. И. Говорухине, погибшем при освобождении порта Николаев, его именем названа улица райцентра.

Неоднократно отличались в боях и женщины села, ушедшие на фронт. В одной из фронтовых газет отмечалось: «Отважная девушка — санинструктор Ишкаева (Ф. Зотова — В.К.) работает

в пункте медицинской помощи. Когда начался бой, она сказала: «Мое место там, на поле боя». — Под огнем врага т. Ишкаева оказывала помощь раненым бойцам и офицерам, многих выносила с поля боя. Ей предложили вернуться на медицинский пункт, но комсомолка-санинструктор отказалась покинуть поле боя».⁴

В бомбардировочной авиации громил врага сын конармейца Султана Якупова — Мансур Султанович. Да и сам красный конник с началом войны ушел на фронт и до последнего дня находился в действующей армии. С блокнотом и автоматом прошел дорогами войны военный корреспондент газеты 360-й стрелковой дивизии «Боевой натиск» капитан С. М. Тяпкин, награжденный двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и многими боевыми медалями. Ветеран принимал участие в разгроме Квантунской армии Японии и демобилизовался домой уже из Порт-Артура. Буквально из школьного класса шагнули в пекло войны капитан А. П. Колесников, младший лейтенант П. А. Истомин и многие другие варненцы.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Советскую Родину, пятерым уроженцам района было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В их числе старшина артиллерийской разведки РКК М. Г. Русанов, удерживавший с небольшой группой бойцов высоту в Карелии, В. И. Ситников, более 10 суток державший с товарищами важный плацдарм на Одере. За такой же подвиг высокой награды был удостоен С. Е. Соловьев-Валентеев. В составе героического десанта старшего лейтенанта Ольшанского, погибшего на Николаевском плацдарме, звания Героя Советского Союза посмертно был удостоен И. И. Говорухин. За годы войны летчик Ф. М. Сафонов совершил 109 боевых вылетов на штурмовике Ил-2. Им было уничтожено большое количество живой силы и техники врага. За мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий командования, младший лейтенант Сафонов был награжден орденами Красной Звезды и Славы II и III степеней. За участие в Восточно-Прусской операции ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ушел в числе первых на фронт и директор Варненской школы И. С. Щербаков, прошедший войну в органах разведки Красной Армии. После ее окончания он был переведен на дипломатическую работу, и в самый сложный период отношений с Китаем И. С. Щербаков являлся послом СССР в Китайской Народной Республике. Орденом Красного Знамени и многими другими боевыми наградами был награжден П. И. Сединкин, инициатор и непосредственный участник работы по созданию музея истории района.

В 1943 году эвакогоспиталь № 37-56 передислоцировался ближе к линии фронта. Вместе со службами госпиталя выбыли

и более 30-ти его работников — жителей Варны. В их числе были Е. В. Чернова, М. М. Емангулова, Е. И. Ященко, Н. Я. Фильчагина. В действующих войсках и госпиталях в годы войны находились жительницы села М. Т. Петрова, М. М. Усманова, Е. Д. Третьякова и многие другие.

Орденами и медалями за годы войны было награждено более 3,5 тысяч участников боевых действий и 1141 труженик тыла. Наряду с теми, кто с оружием в руках сражался с ненавистным врагом, свой немалый вклад в достижение победы внесли и оставшиеся в тылу варненцы, работавшие все эти четыре года не покладая рук. Из далекого села на фронт уходили посылки бойцам сражавшейся армии, руками варненцев выращивался хлеб, почти весь отправлявшийся на нужды фронта. Женщины вязали носки, шарфы, варежки, шили кисеты и отправляли их бойцам Красной Армии, заготавливали лекарственные травы, собирали вещи личного обихода. Радушно встретила Варна и эвакуированных из западных районов СССР жителей. К марту 1942 года их на территории района находилось 1596 человек.

Приняли активное участие варненцы и в формировании и оснащении боевой техникой Уральского Добровольческого танкового корпуса. В соответствии с приказом Военного Совета Уральского военного округа и решением бюро обкома ВКПб от 27 февраля 1943 года в районе начался сбор средств для приобретения техники и снаряжения и запись добровольцев. Честь быть включенными в ряды добровольцев предоставлялась далеко не всем желавшим — из 269 поданных заявлений в Челябинскую танковую бригаду было зачислено всего 60 человек. В число их попали Х. И. Багманов, А. Аюпов, В. Х. Юсупов, Х. Кочуров, З. Сементеев и еще ряд жителей села. О вкладе тружеников района в формирование корпуса говорят и такие данные — только труженики колхоза «Урнэк» собрали в фонд корпуса более 150 тысяч рублей.⁵

Долгое время мы замалчивали и такую страницу войны, как деятельность трудовых частей. С началом войны в состав трудовой армии было мобилизовано значительное количество жителей района, главным образом бывших казаков. Те, кто вернулся домой после победы, рассказывать о перенесенных тяготах не любят. Для многих из них отправка на фронт была несбыточной мечтой. Трудовые части вели строительство оборонных объектов в Магнитогорске, Челябинске, Нижнем Тагиле и других промышленных городах. Условия, в которых они находились, незначительно отличались от условий тюремного заключения, а невыполнение дневного задания наказывалось по законам военного времени. От голода, тяжелых условий труда и нехватки обмундирования зимой трудармейцы гибли десятками в день...

Потери в этой войне бывшая станица понесла большие — почти две трети из ушедших на фронт погибли, защищая Родину. Немало из тех, кому посчастливилось остаться в живых, вернулись домой инвалидами, многие умерли вскоре после победы от полученных ран и болезней.

Рассказать обо всех участниках войны в краткой работе просто невозможно. Тем более, что судьба многих, особенно пропавших без вести, до сегодняшнего дня неизвестна даже близким родственникам. Немало участников войны скончалось в тыловых госпиталях от ран, погибло в лагерях военнопленных. Буквально в каждом селе, в том числе и в райцентре, есть скромные памятники с выбитыми на плитах именами и фамилиями погибших в боях за Родину односельчан. Победа досталась нелегко, за нее пролито немало крови фронтовиков и пота тружеников тыла, где в подавляющем большинстве оставались женщины, старики, дети. Забывать о цене победы перед памятью погибших мы не имеем права.

9. ВАРНА СЕГОДНЯ

От многих, кто впервые приезжает в Уральскую Варну, нередко можно услышать слова восхищения современным обликом бывшей казачьей станицы. В то время, когда большинство центров сельских районов Челябинской области все еще переживает застаревшую болезнь складывания современной инфраструктуры, варненцы сумели решить многие сложные проблемы. Особенно заметно село преобразилось за последние два-три десятилетия. Именно в это время началось строительство целых кварталов новых, административных зданий современной архитектуры, учреждений культуры и жилых домов. Неблагоустроенные прежде улицы с извечной для сельской местности грязью ныне оделись в асфальт, а проведенная в 60-е годы жителями села работа по озеленению придала улицам живой и привлекательный вид. Особенно нарядна Варна весной, когда на тысячах деревьев и кустарников распускаются молодые листья, а в палисадниках и садах буйно цветут вишня, яблони, черемуха и сирень.

За всеми этими изменениями стояла нелегкая, кропотливая и малозаметная в повседневности работа людей, возглавлявших органы власти, и жителей райцентра. Как бы сегодня ни оценива-

лись события последних лет, следует отметить — руководство района сделало для обновления облика села и района немало. В 60—80-е годы в Варне было введено в эксплуатацию два новых школьных здания, несколько детских дошкольных учреждений, построены новые корпуса центральной районной больницы, возведены здания административных органов и учреждений управления, открыты детская музыкальная и детско-юношеская спортивная школы, музей истории района. Именно в это время по инициативе районного комитета КПСС и райисполкома и их усилиями были созданы новые предприятия МПМК, ДРСУ, участок «Водоканалстроя», район электрических сетей (РЭС), теплосети, реорганизовано ПУЖКХ (служба коммунального хозяйства), открыт свой асфальто-битумный завод, расширены и оснащены необходимым оборудованием щебеночные карьеры, с созданием которых в районе смогли приступить к долгосрочной работе по дорожному строительству. В Варне сумели благоустроить улицы и площади села, проложить разветвленную сеть дорог с твердым покрытием, позволившую наладить устойчивое автобусное сообщение со всеми селами своего и центрами соседних районов. Строительство дорожной сети повлекло за собой увеличение парка грузового автотранспорта и рост численности личных автомобилей жителей села.

Были ли в это время ошибки и просчеты? Безусловно, были. Различного рода реорганизации и укрупнения, снос сел, признанных «неперспективными», и многое другое, осуществлявшееся по указаниям «сверху», вело к неоправданному расходованию средств и распылению сил. Но следует помнить — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Даже самое малое конкретное дело, направленное на улучшение условий жизни людей, само по себе важнее и значимее любых лозунгов и призывов. Тем более, что призывы очень скоро забываются, а проблемы остаются и еще более обостряются.

Начатая в застойные, как принято ныне их именовать, годы, работа была продолжена и в последующее время. Из наиболее важных дел этого периода следует отметить решение проблем жизнеобеспечения разросшегося села. В конце 60 — начале 70-х годов здесь был проложен один из первых в сельских районах области водопровод, снявший проблему обеспечения жителей питьевой водой. Централизованно стала решаться проблема теплоснабжения, началось строительство системы канализации для микрорайона многоэтажной застройки, совершенствовалась и развивалась служба бытового обслуживания населения. Наряду с фотомастерской были открыты цехи пошива верхней одежды, ковровый и мелкострочного ремонта, химчистка. Обзавелась

Варна и своей станцией технического обслуживания легковых автомобилей. Буквально пару лет назад справили новоселье многие подразделения комбината бытового обслуживания, получившие удобные помещения под парикмахерскую, мастерскую по ремонту обуви, службы ритуальных услуг.

В последние годы две работавшие на мазуте котельные в райцентре были переведены на природный газ — более дешевое и экологически чистое топливо. Затем газ из проходящего вблизи Варны магистрального газопровода Бухара—Урал стал поступать и в дома многих варненцев. Ставшие для жителей обыденными услуги и удобства до сегодняшнего дня являются сложнейшей проблемой для многих идентичных Варне по статусу населенных пунктов. Немалый вклад в решение вышеперечисленных вопросов внесли руководители предприятий райцентра, работники райкома КПСС и райисполкома. В числе их следует назвать первого секретаря РК КПСС В. Т. Иващенко, председателей исполкома районного Совета народных депутатов И. А. Крысального, Ю. П. Андреева, заместителя председателя райисполкома В. И. Корсакова, директора элеватора В. А. Звездина. Активное участие в переустройстве облика села принимали трудовые коллективы, возглавлявшиеся В. Н. Кравченко, Н. И. Ермолаевым, В. А. Петриченко, М. Ш. Ракаевым, Н. Н. Юсуповой, С. М. Аплеевым, и многие другие. Заметный след в жизни села оставил Б. В. Ягуфаров, несколько сроков подряд занимавший пост председателя Варненского сельского Совета. Вместе с тем следует помнить, что любые планы, какими бы грандиозными они ни были, так и остались бы на бумаге без активного участия в созидательной деятельности рядовых варненцев. Именно их руками непосредственно строилось и возводилось все то, чем сегодня гордится Варна. Многие сделал для улучшения облика села художник А. Т. Столповских, по чьим проектам были созданы мемориал памяти павших в годы Великой Отечественной войны, оформлены интерьеры административных зданий и учреждений культуры, а в год 40-летия Победы установлены памятные доски и стела на улице, носящей имя Героя Советского Союза И. И. Говорухина.

Неослабое внимание в селе уделялось и уделяется развитию спорта и физической культуры. Стадион «Нива», являвшийся традиционным местом проведения не только спортивных, но и иных праздников, в преддверии XV областной сельской олимпиады был реконструирован, а молодежь получила необходимые для занятия спортом площадки, подсобные помещения и беговую дорожку со специальным покрытием. В середине 80-х годов в Варне приступили к строительству большого сельского спор-

тивного комплекса, в котором предполагалось устроить и плавательный бассейн для занятия водными видами спорта. Успешно действует в райцентре и детско-юношеская спортивная школа, воспитанники которой под руководством тренеров достигают неплохих спортивных результатов. Сборная команда юных борцов на соревнованиях различных уровней постоянно занимает призовые места. Пройдя хорошую школу у тренера Н. В. Ловчикова, прекрасного спортсмена и педагога, его воспитанники без особых трудностей адаптируются к суровым условиям армейской службы и достойно переносят ее тяготы.

Широко известна за пределами района и варненская футбольная команда «Нива», созданная еще в начале 60-х. Сменив несколько поколений игроков, она до сих пор является непременным участником всех спортивных турниров на первенство области по своей группе. За последние годы «Нива» неоднократно побеждала среди сельских футбольных команд. Чемпионами команды стали В. Козлов, Н. Лихачев, В. Аношкин, С. Шаймухаметов, Г. Каримов, В. Шадских, С. Лавров, Э. Багманов, В. Ерзянкин. С особой заботой футболисты старшего поколения готовят себе смену. Юношеская команда «Импульс», которой руководит тренер В. К. Аношкин, выигрывала областные сельские турниры, игры на приз клуба «Кожаный мяч» и является резервом «Нивы». Более 30 лет своей жизни отдал школе учитель физической культуры Варненской средней школы Герой Советского Союза М. Г. Русанов. Совместно с учителями начальной военной подготовки и трудового воспитания, ветеранами войны П. А. Истоминым и Г. Я. Абсалямовым он немало сделал для нравственного и физического воспитания молодежи.

Самых добрых слов заслуживают в свой адрес старейшие работники сферы культуры Е- К. Завалищина, И. П. Бывакин, Н. А. Большакова, В. И. Савин. Во многом благодаря их усилиям и творческой самоотдаче на протяжении многих лет Варна по праву считалась одним из наиболее богатых в культурном отношении сел области. До середины 70-х годов большой известностью и популярностью далеко за пределами района пользовался хор районного Дома культуры, имевший почетное звание народного, и коллектив народных танцев. В клубе, а затем и Доме культуры, ежегодно проходили смотры художественной самодеятельности, собиравшие значительное количество зрителей и поклонников. Занимали почетные места и призы творческие коллективы в областных и республиканских смотрах художественной самодеятельности. Коллектив районного Дома культуры являлся непременным участником всех проводившихся в селе праздников и массовых гуляний. По выходным и праздничным

дням жителей села радушно принимала база отдыха «Тополек», впоследствии преобразованная в спортивно-трудовой лагерь.

Многого из былого сегодня, к сожалению, уже нет... Кое-кто утверждает, что самодеятельность не выдержала мощной конкуренции со стороны телевидения, а баян и другие народные инструменты сами себя пережили. Возможно, в этом и есть некоторая доля истины. Но объяснить метаморфозы сегодняшнего состояния культуры только внедрением в повседневность технических достижений и сменой вкусов нельзя. Причины, обусловившие сегодняшний упадок культуры и нравственности, на наш взгляд, иные и прямо вытекают из отношения к прошлому. История и богатые культурные традиции многонационального оренбургского казачества на протяжении длительного времени сознательно искоренялись, все было сделано для того, чтобы они были полностью забыты. Но вместе с духом казачества неизбежно погибли и присущие ему культурные, бытовые и нравственные устои. Не вызывает сомнения необходимость возрождения их, подобно тому, как несколько лет назад восстанавливали почти полностью разрушенный мавзоль Кесене.

В условиях переживаемых страной трудностей только сплоченность и единство действий многонационального населения села, возрождение культурных традиций может стать гарантией успешного выхода из глубочайшего экономического и политического кризиса. Варненцы всегда отличались любовью к своему селу. Думается, что и на этот раз они не изменят своим принципам.

Сегодня Варна больна теми же болезнями, что и все общество в целом, и для их преодоления потребуется немало сил и времени. Мы слишком долго закрывали глаза и не замечали многие проявившиеся проблемы, надеясь, что они разрешатся сами собой. То, что раньше составляло предмет гордости пропаганды — преобразующая деятельность человека — развеялось, как дым. Природа начала мстить за насилия и причиненные ей унижения. Не минула, к сожалению, чаша сия и варненцев. Распаханные сверх разумной меры поля хлеба родят ничтожно мало, но зато высохли многочисленные и прежде богатые водой и рыбой степные озера. Буквально на глазах одного поколения погибло некогда красивое озеро Большое Кесене, и величественный памятник высится теперь среди степи...

Оставшиеся нераспаханными поля эксплуатируются настолько интенсивно, что степь не успевает залечивать нанесенные ей раны, травы буквально выбиваются копытами животных и колесами машин. С высокой степенью вероятности можно предположить, что очень скоро она окажется сплошь заросшей чертополо-

хом и сорными растениями. Навряд ли при таком отношении к окружающей природе кто-либо из будущих поколений варненцев сможет увидеть настоящую, покрытую сплошным ковром цветов и трав, перекаत्याющуюся под легким июньским ветерком седыми волнами ковыля степь. Да и жаворонков не стало — применение аэрозолей гербицидов сделало свое дело.

Первые переселенцы, придя к Светлому Ключу, увидели степь в ее первозданном, почти нетронутым виде. Казаки кормились и одевались от природы, растили на этой земле хлеб, но брали у нее только самое необходимое, давая земле возможность восстанавливать свои силы. За этим очень строго следили: самовольная вырубка лесов, бессмысленное и хищническое использование рек и озер, палы в степи решительно и неукоснительно пресекались Войсковым лесничим и агрономами. Казаками за время обитания на этой земле был накоплен богатый опыт, позаимствовать который было бы не лишним и сегодня.}

А что стало с красавицей степной речкой Кисене? Перегороженная сооруженными на скорую руку десятками земляных плотин, размываемыми весной и в дождливые летние месяцы, она находится буквально на грани гибели. Многочисленные родники и ручейки оказались затянутыми песком и галькой, разносимыми водой с примитивных запруд. Прежде буйная и своевольная, выносившая в периоды весеннего половодья льдины на низкий левый берег до самой нижней улицы, она теперь превратилась в застойное болото, вода в котором зацветает уже к середине лета.

Свою лепту в медленную гибель речки внесла и проводящаяся буквально до самого ее уреза распашка полей по берегам. А чего стоят сбрасываемые в Тогузак отработанные воды с местного маслозавода, мусор и нечистоты из дворов, забор воды для поливных участков?

Хватает проблем и в отношениях между поколениями там, где их прежде никогда не бывало. Словом, проблемы есть, и если их по-прежнему не замечать, то, возможно, в самое ближайшее время они встанут во всей остроте и безысходности.

В 1993 году Варне исполняется 150 лет. Возраст почтенный, немалый пройден и путь. Возникнув полтора столетия назад как небольшой казачий отряд, Варна превратилась в крупный населенный пункт, где сегодня проживает многонациональное по своему составу население, насчитывающее более восьми тысяч человек. Переживаемое сегодня варненцами время — не самое лучшее в истории села. Но, пройдя через нелегкие испытания в прошлом, они не раз убеждались в одной простой истине — коллективно, той же казачьей общиной, всем вместе легче пере-

жить любые, даже самые сложные испытания. Ныне вновь наступает такое время, когда будущее всех зависит от позиций и дел каждого. Хочется верить, что варненцы с достоинством и честью выйдут из нынешнего экономического и политического кризиса, не дадут втянуть себя в очередные политические распри, расплачиваться за которые придется людскими судьбами. Хочется надеяться, что возрождающаяся казачья станица отметит еще не один раз свои юбилейные даты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отряд Варны основан...

1. Киргиз-Кайсацкой степью официально называлась нынешняя территория Казахских степей, а многочисленные обитавшие на ней племена и рода назывались киргизами.
2. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи в 1768—1769 годах. Кн. 1. Ч. 2., СПб., 1770. — С. 136.
3. ГАОО, ф.И.-б, оп. 5. д. 11377, л. 45^л*6.
4. Термин магазин означал не торговую точку, как это принято сегодня, а складские помещения, где казаки хранили общественные запасы хлеба на разного рода экстраординарные случаи.
5. ГАОО, ф.И.-б, оп. И, д. 922, л. 1.
6. ГАЧО, ф.И.-Ю, оп. 1., д. 107, л. 64.
7. ГАОО, ф.И.-б, оп. 8, д. 103, л. 167.
8. Общие сведения об Оренбургской губернии. Оренбург, 1891. С. 135—137.
9. Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1901. С. 198.
10. ГАОО, ф.И.-1912, оп. 2. д. 87, л. 11.
11. Там же, л. 13.

2. Экономическое положение казаков

1. Оренбургские губернские ведомости. 1868. 26 мая.
2. ГАОО, ф.И.-б, оп. 8, д. 103, л. 168.
3. ГАОО, ф.И.-б, оп. 12, д. 1967а, л. 132.
4. Рязанов А.Ф. На стыке борьбы за степь. Оренбург, 1928. С. 31.
5. ГАОО, ф.И.-б, оп. 12, д. 1967а, л. 132.
6. Там же, оп. 1, д. 1993е, л. 4об.
7. Оренбургский казачий вестник. 1917. 19 окт.
8. Селивановская Л.А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX века//Учен. зап./ Оренбургский гос. ин-т. Вып. 13. С. 79.
9. ГАОО, ф.И.-37, оп. 3, д. 148, л. 139—140.
10. Общие сведения об Оренбургской губернии. С. 136.

3. Казачьи традиции и праздники

1. Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1848. № 121.
2. Оренбургская газета. 1907. 16 апр.
3. ГАЧО, ф.И.-б, оп. 2, д. 13, л. 60.
4. Оренбургский листок. 1899. 10 сент.
5. Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828—1829 годах. Ярославль, 1972. С. 113. Он же. Боевые действия под Варной//Учен. зап. Вып. 6.: История. Ярославль, 1970.

6. Похлебкин В. Военная история на карте одной области//Наука и жизнь. 1972. № 13. С. 61.

4. Мавзолей в степи

1. Рынков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1889. С. 242.
2. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи в 1768—1769 годах. СПб, 1770. Кн. 1. Ч. 2. С. 137.
3. Оренбургские ведомости. 1868. № 20.
4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1869 год. СПб, 1892. С. 55—57.
5. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1911.
6. Бирюков В.П. Исторические сказы и песни. Челябинск, 1949. С. 13.

5. На службе Отечеству

1. Сводный полк отдельного Оренбургского корпуса состоял из 6 сотен — по три от Оренбургского и Уральского казачьих войск. В ходе военных реформ третьей четверти XIX века этот полк был расформирован.
2. ГАЧО, ф.И.-Ю, оп. 1, д. 64, л. 53.
3. Оренбургский край. 1908. № 12.
4. ГАЧО, ф.И.-Ю, оп. 1, д. 89, л. 6.
5. Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1854. № 28.
6. Там же. 1874. № 211.
7. Записки генерал-майора И.В. Чернова//Тр. Оренбургской Ученой архивной комиссии. Вып. 18. Оренбург, 1907. С. 215.
8. Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске... Оренбург, 1904. С. 98.
9. Свод военных узаконений Российской империи. Т. 4, Кн. 1. С. 75.
10. ГАОО, ф. 185, оп. 1, д. 46, л. 1.
11. Семенов В. Краткая хроника Оренбургского казачьего войска. Русско-японская война//Новое поколение. 1991. 7 дек.
12. Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1905. № 89.
13. Русский инвалид. 1905. № 19, 226; 1906. № 24.
14. ГАОО, ф.И 186, оп. 1, д. 238, л. 204.
15. Вестник казачьих войск. 1917. 5 авг.
16. Оренбургская газета. 1914. 1 окт.
17. ГАОО, ф. 185, оп. 2, д. 19, л. 5—7 об.

6. Трагедия гражданской

1. ПАЧО, ф. 526, оп. 2, д. 305, л. 6.
2. Народная свобода. 1917. 20 дек.
3. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. 1917—1918. Т. I. М., 1989. С. 187.
4. ГАОО, ф. 1912, оп. 1, д. 33, л. 58.
5. Машин М.Д. Оренбургское и Уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 32.
6. Войнов В. Правда об оренбургском казачестве 33//Отечество: Краеведческий альманах. Вып. I. М., 1990. С. 216.

7. На переломе

1. Челябинская губерния образована постановлением ВЦИК 3 сентября 1919 года в составе Челябинского, Троицкого, Кустанайского и Курганского уездов. 1 января 1920 года в губернию вошел Верхнеуральский уезд, а в сентябре 1922 — Златоустовский.

2. ПАЧО, ф. 171, оп. 1, д. 59, л. 4.
3. МФ ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 8.
4. МФ ГАЧО. ф. 28, оп. 1, д. 1, л. 19.
5. ГАУО, ф. Р—7, оп. 3, д. 5, д. л. 10.
6. ДОН. 1990. № 3.
7. ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 181, л. 26.
8. Викторов Б.А. Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 242.
9. ПАЧО, ф. 170, оп. 1, д. 117, л. 82.
10. ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 70, л. 106.
11. Населенные пункты Уральской области. Т. 13. Свердловск, 1928. С. 4.
12. ПАЧО, ф. 170, оп. 1, д. 117, л. 81 об.

8. В грозные годы испытаний

1. Советское село. 1984. 25 сен.
2. Личный архив автора.
3. Во славу Родины. 1944. 12 окт.
4. За родину. 1943. 20 августа.
5. Советское село. 1985. 15 марта.

Оглавление

К читателю

1. Отряд Варны основан
 2. Экономическое положение казаков
 3. Казачьи традиции и праздники
 4. Мавзолей в степи
 5. На службе Отечеству
 6. Трагедия гражданской
 7. На переломе
 8. В грозные годы испытаний . *
 9. Варна сегодня
- Примечания

КОБЗОВ Владимир Серафимович

Уральская Варна

Редактор И.И. Шигорина

Сдано в набор 20.11.92. Подписано в печать 28.12.92. Формат 60 x 84/16. Бумага об. белая. Гарнитура Тип Тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,58. Усл. кр.-отт. 5,75. Уч. изд. л. 6,0. Тираж 2500 экз. Заказ 3454. Цена договорная.

Челябинский государственный университет.
454136, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

Челябинский государственный Дом печати.
454080, Челябинск, Свердловский пр, 60.